320.323
Лес-48.
2 экз.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ВВ20
1443

К. Леонтьевъ.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

КАКЪ ОРУДІЕ

ВСЕМІРНОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

4966

Qui bene distinguit
bene medetur.

ИЗЪ КНИГЪ
Д. А.
КЛЕВЕРЪ

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собствен. домъ.
1889.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2004

К.
1986

ВВ20
Л443 р

Дозволено цензурою, Москва, 19 января 1889 г.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

1111
27
179431 У

ИЗЪ КНИГЪ А. А. КЛЕВЕРЪ

Національная политика, какъ орудіе всемірной революціи.

(Письма къ О. И. Фудель.)

Библіотека-Читальня при Александр. зав. П. Ж. А.

I.

Все то, о чемъ я здѣсь буду писать, самому мнѣ давно уже ясно. И ясность эта, прибавлю, до того печальна, что я счелъ бы за счастье ошибиться. Я праздновалъ бы великій праздникъ радости, еслибы сама жизнь или чьи бы то ни было убѣдительные доводы доказали-бы мнѣ, что я заблуждаюсь. Боюсь однако, что я останусь правымъ... Боюсь, какъ бы исторія не оправдала меня...

Я говорю, что эта мысль моя о разрушительно-космополитическомъ значеніи тѣхъ движеній XIX вѣка, которыя зовутся „національными", мнѣ самому давно уже казалась столь поразительною, что я въ извѣстномъ вамъ сборникѣ моемъ („Востокъ, Россія и Славянство") не счелъ и нужнымъ даже подробно ее развивать. Я полагалъ, что и такъ она всѣмъ будетъ понятна, — стоитъ только *указать* на нее. Однако въ этомъ я ошибся, какъ видно. Оказывается, что нужно больше фактовъ, больше примѣровъ.

Я понялъ это изъ вашего ко мнѣ послѣдняго письма. Вы пишете мнѣ такъ:

„....Необходимо прежде устранить нѣкоторыя задерживающія мою мысль препятствія. Такъ, напримѣръ, на стр. 106-й I т. вашей книги встрѣчаемся съ такою мыслью: „Идея національности въ томъ видѣ, въ какомъ ее ввелъ въ политику

Наполеонъ III, въ ея нынѣшнемъ модномъ видѣ, есть ничто иное какъ тотъ же *либеральный демократизмъ*, который давно уже трудится надъ разрушеніемъ великихъ культурныхъ міровъ Запада“.—Вы очень часто высказываете эту же мысль, но опять-таки вездѣ также сжато и *кратко*. И эта мысль мнѣ очень симпатична. Я чувствую, что она истинна, но только чувствую это, а не понимаю логически, ибо вы не даете никакого ключа къ уясненію ея. Очень часто я обдумываю эту мысль; придумывалъ нѣсколько гипотезъ въ объясненіе ея, но задачи все-таки не рѣшилъ и поэтому обращаюсь къ вамъ съ просьбою о помощи. Почему именно можно сопоставить вмѣстѣ идею національнизма и либеральный демократизмъ, когда повидимому они такъ противоположны: демократическій процессъ равняетъ все разнородное, упрощаетъ его, а національнизмъ обособляетъ разнородное, разъединяетъ разныя народности. Повидимому, это такъ; но я чувствую, что въ сущности тутъ одно стремленіе къ смѣшенію и слитію. Почему же?“

Я хотѣлъ было отвѣтить кратко на эти ваши вопросы, но это оказалось невозможнымъ. Я не могъ удержаться. Обиліе фактовъ, подтверждающихъ мою грустную мысль, до того велико, что одни только они, эти факты (какъ вы увидите), почти безъ разсужденій, потребовали не письма, а цѣлой статьи.

Вы хорошо сдѣлали, однако, что предложили мнѣ всѣ эти вопросы. Безъ вашего письма едва ли бы мнѣ пришло когда-нибудь на умъ взяться за этотъ трудъ. Я благодаренъ вамъ за этотъ неожиданный толчокъ. Въ мои годы писать прямо и преднамѣренно для печати—какая, скажите, можетъ быть особая охота, если не видѣть сильнаго сочувствія, если *не ощущать* ежедневно своего вліянія?

Когда *есть охота*, когда *пишется* — прекрасно. А *не пишется* и даже не думается о томъ-то и томъ-то — и это хорошо! Можетъ-быть даже это и лучше.

Не говорите мнѣ о „долгѣ“ или „пользѣ“ общей! Для этого опытному человѣку нужна та *иллюзія*, которую можетъ дать только большой, невольно возбуждающій насъ успѣхъ... Не

говорите также по этому поводу и о христіанствѣ. *Долга своевольной* индивидуальной проповѣди христіанство не признаетъ. Церковь отъ вѣрующаго *такого* долга не требуетъ: она, вы знаете, требуетъ совсѣмъ иного, скорѣе противуположнаго. Не надо писателю-христіанину воображать себя слишомъ полезнымъ даже и тогда, когда его труды ни прямо, ни косвенно не противорѣчатъ церковному ученію.

Значитъ—строгой религіозной *обязанности* писать политическія статьи, даже и крайне консервативнаго духа, не существуетъ... Простительно, положимъ, было бы увлеченіе; но для подобнаго увлеченія нужна, повторяю, та иллюзія, которую можетъ дать только огромная популярность. Подобной иллюзіи у меня нѣтъ, вы это знаете. Ея и быть не можетъ. Зачѣмъ же мнѣ принуждать себя къ писанію? Зачѣмъ твердить все то же? Въ Россіи, которую мы съ вами оба такъ любимъ, *въ общемъ* дѣла теперь идутъ довольно хорошо. Признаковъ утѣшительныхъ, обѣщающихъ все бо́льшую и большую независимость духа нашего отъ либеральнаго (т. е. революціоннаго) Запада, пока очень много. Прочно ли все это, покажетъ будущее, котораго мнѣ уже *не увидать!* Значитъ, если Богу угодно, обойдутся отлично и безъ насъ. Если же Богу *не угодно,* чтобы всѣ эти добрыя (антилиберальныя) начинанія наши принесли въ этомъ будущемъ богатые и прочные плоды, то что же мы-то съ вами можемъ противу этого слѣлать,— особенно я, на краю могилы?

Итакъ, въ случаяхъ подобныхъ этому, у меня нѣтъ ни свыше предписаннаго долга, ни иллюзіи.

Остается охота или неохота и—больше ничего! Не грѣхъ, конечно, писать о чемъ-нибудь въ извѣстномъ духѣ, непротивномъ ученію Церкви; но еще менѣе грѣхъ—молчать, когда никто не обращается къ вамъ настоятельно съ просьбой вразумленія.

Было время,—лѣтъ десять, пятнадцать тому назадъ,—я еще мечталъ своими статьями сдѣлать какую-то „пользу“... Я вѣрилъ тогда еще наивно, что я *кому слѣдуетъ* „открою глаза“... Вспомните мои *пророчества* о болгарахъ и сербахъ. Я по-

стоянно оправданъ позднѣйшими событіями, но не своевременной людскою догадкой.

Теперь я разучился воображать себя очень нужнымъ и полезнымъ; я имѣю достаточно основаній, чтобы считать свою литературную дѣятельность если не совсѣмъ уже безплодной, то, во всякомъ случаѣ, *преждевременной* и потому не могущею вліять непосредственно на теченіе дѣлъ.

„Провидѣнію не угодно, чтобы *предвидѣнія* уединеннаго (одинокого?) мыслителя разстроивали-бы ходъ исторіи посредствомъ *преждевременнаго* дѣйствія на слишкомъ многіе умы".

Вотъ почему, не обратись вы ко мнѣ съ вопросами, не пришло бы мнѣ и въ голову вернуться еще разъ къ этому, какъ мнѣ казалось, уже исчерпанному мною вопросу о *непонятномъ значеніи* и *вредныхъ плодахъ той племенной политики, которую обыкновенно называютъ національною.*

Для васъ же собственно, для людей молодыхъ и начинающихъ жить, я готовъ писать съ удовольствіемъ. Я сталъ писать охотно, письмо разрослось въ цѣлый рядъ писемъ... И вотъ—я рѣшился напечатать ихъ.

Быть-можетъ вамъ, юношамъ, удастся то, что мнѣ не выпало на долю,—удастся заставить себя не только внимательно слушать, но и *отчетливо понимать.*

Дай Богъ! И для васъ, *пока еще не многихъ*, но искреннихъ и надежныхъ молодыхъ людей, я буду съ радостью распространяться о томъ, о чемъ много и разсуждать бы, по-настоящему, не слѣдовало,—до того все это ясно *по фактамъ*, по практическимъ результатамъ современной исторіи.

Ясно вотъ что:

„Движеніе современнаго политическаго національнизма есть ничто иное какъ видоизмѣненное только въ пріемахъ распространеніе космополитической демократизаціи".

У многихъ вождей и участниковъ этихъ движеній XIX вѣка цѣли дѣйствительно были національныя, обособляющія, иногда даже культурно-своеобразныя, но результатъ до сихъ поръ былъ у всѣхъ и вездѣ одинъ—*космополитическій.*

Почему это такъ, не берусь еще сообразить...

Этотъ вопросъ: *почему?*—вѣрнѣе всего долженъ быть обращенъ къ особой, не существующей, кажется, еще въ отдѣльности наукѣ, которую можно бы назвать *соціальною психологіей.* Я за подобное психологическое объясненіе не берусь; я хочу здѣсь просто напомнить только въ общихъ чертахъ, *какъ* все это происходило и происходитъ еще въ наши дни.

Какъ это люди ищутъ одного, а находятъ постоянно совсѣмъ другое? Я намѣреваюсь начертить краткую политическую исторію этого великаго и почти всеобщаго самообмана, но не берусь объяснять тѣ внутренніе душевные процессы (у главныхъ ли политическихъ дѣятелей нашего вѣка, или у цѣлыхъ тысячъ и милліоновъ, ими руководимыхъ),—процессы, которые могли бы дать ключъ къ уразумѣнію это не только странной, но даже страшной исторіи.

Для меня самого это остается самой таинственной психологическою загадкой, которую разрѣшатъ только время и упорная, свѣжая мысль.

Политическіе *результаты видны.* Теченіе *событій ясно,* хотя и весьма извилисто. *Причины загадочны...*

II.

Первое по времени движеніе національнаго характера въ XIX вѣкѣ было греческое возстаніе 21 года. Правда, что сербы нынѣшняго княжества еще раньше грековъ возстали противъ султана, но и освобожденіе ихъ было вначалѣ весьма неполное,—и по шуму, и вліянію своему въ Европѣ это движеніе было несравненно ничтожнѣе и безслѣднѣе.

Я не стану говорить ни слова о долгой и геройской борьбѣ православныхъ и полудикихъ въ то время эллиновъ,—я полагаю все это достаточно извѣстнымъ.

Борьба была жестокая и неравная; она потребовала вооруженнаго вмѣшательства державъ и завершилась Наваринской побѣдой Европы надъ Азіей, Забалканскимъ походомъ Дибича и Адріанопольскимъ миромъ въ 29 году. Маленькая, *весь-*

ма оригинальная тогда Эллада достигла ближайшей *національной* цѣли своей. Не будучи еще въ то время въ силахъ объединить *все свое племя* *) и освободить его изъ-подъ власти турокъ и англичанъ (на Іоническихъ островахъ), эллины удовольствовались пока небольшимъ свободно-національнымъ государствомъ въ одинъ какой-нибудь милльонъ. Но что же вышло? Большинсто эллинофиловъ того времени ждали отъ этихъ возрожденныхъ эллиновъ чего-то особеннаго въ бытовомъ и духовномъ отношеніи. *Ждали и—ошиблись.*

Творчества не оказалось; новые эллины въ сферѣ высшихъ интересовъ ничего, кромѣ благоговѣйнаго подражанія *прогрессивно-демократической Европѣ*, не съумѣли придумать. Какъ только удалились *привилегированные* турки, которые изображали собой нѣчто вродѣ чуждой аристократіи въ средѣ грековъ, кромѣ полнѣйшей *плутократической* и *грамматократической эгалитарности, ничего не нашлось.* Когда нѣтъ въ народѣ *своихъ* привилегированныхъ, болѣе или менѣе неподвижныхъ сословій, то богатѣйшіе и ученѣйшіе изъ гражданъ, конечно, должны брать верхъ надъ другими. Въ строѣ эгалитарно-либеральномъ неизбѣжно развиваются поэтому весьма подвижныя и не имѣющія преданій и наслѣдственности плутократія и грамматократія. Новая Греція не могла тогда вынести царя своей крови,—до того вожди ея, герои *національной свободы*, страдали *демагогическою* завистью! Она, эта новая Греція, не вынесла даже власти *президента* родной греческой крови, графа Каподистріа, и *его скоро убили.*

На чемъ же она, эта Грецiя, надолго (и доселѣ) примирилась?—На королякъ *европейскаго иновѣрнаго* происхожденія, во первыхъ, а во вторыхъ на—*конституціи болье либеральной, чѣмъ самыя либеральныя изъ западныхъ. Грецiя оказалась даже неспособной* имѣть *двѣ палаты;* пробовали учредить какой-то болѣе охранительный *сенатъ,*—не удалось! Всѣ наилиберальнѣйшія государства Запада (въ томъ числѣ и Соединенные Штаты Америки) выносятъ двѣ палаты. Греки (а кстати ска-

---

*) *Милліона 4 или 5.*

зать и сербы, и болгары) не могли къ этой болѣе консервативной формѣ привыкнуть. Итакъ, если въ главныхъ чертахъ своихъ учрежденій греки (а также и югославяне) разнятся чѣмъ-нибудь отъ Европы, то развѣ тѣмъ, что, *не имѣя великихъ охранительныхъ преданій* (католическихъ, національно-аристократическихъ, не имѣя легитимистовъ, торіевъ, прусскаго юнкерства, польской и мадьярской магнатеріи и т. п.), они еще легче европейцевъ дѣлаютъ во всемъ лишній шагъ—на пути того же *сословнаго всесмѣшенія*, которое разъѣдаетъ Западъ со времени провозглашенія «правъ человѣка» въ 89-мъ году.

Вообще оттѣнки въ *учрежденіяхъ*, отличающіе новую Грецію отъ Запада, очень ничтожны и *не характерны*.

Посмотримъ теперь, какъ отозвалась въ Греціи національная свобода на бытѣ и религіи. Бытъ, положимъ, еще довольно оригиналенъ (смотри «Одиссея», «Аспазію Ламприди» и др. мои повѣсти); но онъ *еще пока* оригиналенъ, кое-гдѣ—благодаря турецкому владычеству, кое-гдѣ—благодаря спасительной дикости и грубости сельскаго и горнаго населенія даже и въ независимой Греціи. Это—оригинальность *охраненія* (*стараго*); а не оригинальность *творчества* (*новаго*). Охраненіе же отъ неразвитости, отъ отсталости ненадежно; надежно только созиданіе чего-либо *новаго* или полуноваго высшими, болѣе развитыми классами, за которыми рано или поздно, хотя или нéхотя, идетъ народъ.

Православіе въ селахъ очень твердо (тверже, пожалуй чѣмъ въ Россіи), но оно неосмыслено, просто, сѣро и не въ силахъ бороться съ аѳинскимъ поверхностнымъ раціонализмомъ.

Греческое духовенство жалуется, что въ Аѳинахъ религія въ упадкѣ (значитъ ослабѣло *главное обособляющее* отъ Запада начало); она (религія) гораздо больше даетъ себя чувствовать въ Царыградѣ, чѣмъ въ Аѳинахъ, и вообще подъ туркомъ больше, чѣмъ въ чистой Элладѣ. Есть и анекдоты по этому поводу очень выразительные.

Итакъ, *національно-политическая* независимость у грековъ оказалась вредной и болѣе или менѣе губительной для *независимости духовной*; съ возрастаніемъ первой—падаетъ вторая.

Разумѣется, духовная зависимость отъ Запада, въ которую впадаютъ современные греки, остывая къ православію, не католицизмъ (для искренняго стремленія въ Римъ нужно быть все-таки религіознымъ; надо предпочитать одну мистическую вѣру другой вѣрѣ, такой же мистической и церковной). Греки впадаютъ въ самую обыкновенную общеевропейскую раціоналистическую пошлость... Опять *смѣшеніе*, сближеніе, сходство, *космополитизмъ идей* и *чувствъ*.

О бытѣ, о жизни общественной не стоитъ много и говорить. Здѣсь — опять одни отрицательныя отличія. Городской бытъ грековъ—та же Европа, только посуше, поскучнѣе, полупѣе и т. д. Замѣчу кстати, что въ общественномъ отношеніи есть даже весьма замѣтная разница между фанаріотами и аоинянами,—*не къ выгодѣ послѣднихъ*: фанаріоты изящнѣе, тоньше, умнѣе въ обществѣ, аоиняне—нѣсколько пошлѣе.

Со дня освобожденія эллиновъ и образованія независимаго Греческаго королевства (изъ одной только четверти всѣхъ подчиненныхъ чуждой власти грековъ) до 1859 и 60 годовъ ничего особеннаго на почвѣ политическаго національизма не произошло. Было за это время два національныхъ возстанія: польское 31 года и венгерское 48 года. *Они оба носили аристократическій характеръ, и оба не удались.* Замѣтьте это: эта черта будетъ повторяться.

Въ 1859—60 годахъ совершилось освобожденіе и объединеніе Италіи. Наполеонъ III, *воображая*, что создаетъ для Франціи вѣчнаго союзника, достаточно сильнаго, чтобы быть полезнымъ, и достаточно слабаго, чтобы не быть опаснымъ, — побѣдилъ Австрію, но захотѣлъ остановиться на полдорогѣ: оставивъ Австріи всю Венецію (область), онъ держалъ въ Римѣ войско для защиты свѣтской власти папы и т. д. Эти мѣры его не привели ни къ чему. Повидимому, онѣ были еще *слишкомъ консервативны; онѣ недостаточно служили* процессу *эмансипаціи всесмѣшенія* и *всеплоскости*. Викторъ-Эммануилъ и Кавуръ обманули хитраго Наполеона посредствомъ весьма сложнаго пріема. На югѣ Италіи Гарибальди завоевалъ Неаполитанское королевство и изгналъ *древнихъ отпрысковъ Бурбо-*

новъ. На сѣверѣ сардинскія войска разбили войска папы и отняли у него часть территоріи; въ Тоскапѣ и другихъ мѣстахъ произошло подстрекаемое Пьемонтомъ *народное движеніе* въ пользу объединяющей коропы Виктора-Эммапупла, и въ очепь короткое время объединилась вся Италія, за исключепіемъ части Папской области съ Римомъ и Венеціапской области, оставшейся пока у Австріи. Черезъ 6 лѣтъ (въ 66 году) эта почти объединенная Италія заключаетъ союзъ съ Пруссіей противъ Австріи и получаетъ въ паграду Венеціанскую область. И, замѣтьте, опять какимъ сложнымъ путемъ: итальянцы разбиты па голову австрійцами при Лиссѣ и Кустоццѣ; но союзныя имъ прусскія войска въ это же время стоятъ уже подъ Вѣной. Въ порывѣ отчаянія Францъ-Іосифъ, желая освободить для защиты Австріи тѣ свои войска, которыя должны дѣйствовать въ Италіи, даритъ по телеграфу Венеціапскую область Наполеону III. Италія этимъ парализована, ибо Наполеопъ отдастъ немедленно эту территорію Виктору-Эммапуилу, и война въ той сторопѣ останавливается. Пруссія также прекращаетъ военныя дѣйствія на сѣверѣ Австріи (она боится, между прочимъ, того, чтобы Франція не вмѣшалась со свѣжими силами въ борьбу). Миръ заключенъ. Но какъ?—Все въ томъ же направленіи *племеннаго объединенія*, влекущаго за собою *большое однообразіе какъ въ самой объединенной средѣ, такъ и по отношенію сходства съ сосѣдними государственными обществами.* Силенъ ли или слабъ былъ прежній германскій союзъ съ двумя большими державами во главѣ (Австріей и Пруссіей)—это другой вопросъ; *но онъ былъ въ высшей степени оригиналенъ*, то-есть *истинно національенъ* и по внутреннему политическому устройству, и по внѣшней политической роли, и въ особенности по общественнымъ, бытовымъ формамъ. Пруссія не отнимаетъ ни пяди земли у Австріи (она бережетъ ее на всякій случай, особенно противъ будущаго славянскаго объединенія); она только по мирному договору изгоняетъ ее изъ стараго Германскаго Союза и образуетъ новый, *болѣе чистый, болѣе племенной.* (Австрія нестрила его, такъ сказать, своимъ участіемъ въ немъ). Пруссія,

въ разной степени подчиняя себѣ государства сѣвера и заключая секретные (до поры до времени) договоры съ нѣмецкими государствами юга (Баваріей, Вюртембергомъ и Баденомъ), почти уже тогда объединяетъ все германское племя, за исключеніемъ 8 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ и Эльзасъ-Лотарингіи (дѣйствительно нѣмецкихъ и отторгнутыхъ прежде Франціей).

Настаетъ 1870-й годъ. Франція побѣждена; Австрія парализована угрозами Россіи, которая основательно хотѣла предоставить дѣло судьбамъ единоборства.

Объединеніе германскаго племени сдѣлало еще огромный шагъ: Эльзасъ-Лотарингія отвоевана, внутренній союзъ тѣснѣе, прусскій король избранъ императоромъ всей Германіи.

Итальянское правительство, пользуясь разгромомъ Франціи, тоже угрожаетъ своей освободительницѣ, и *французскія войска уходятъ изъ Рима, предоставляя папу его судьбѣ.* Итальянскія войска вступаютъ въ Римъ послѣ незначительной стычки — и, какъ прекрасно выразился Данилевскій, „всемірный городъ римскаго первосвященника обращенъ въ столицу неважнаго государства!“

Объединеніе Италіи и Германіи теперь почти окончено. Италіи остается пріобрѣсти еще лишь небольшой клочокъ отъ Австріи (признаюсь, забылъ, какъ даже онъ и называется). Германіи остается присоединить 8 мил. австрійскихъ нѣмцевъ и, пожалуй, наши Остзейскія провинціи, ибо если на нашей, Русской, сторонѣ, такъ сказать, идея *демократическая*, право *этнографическаго большинства* (эсты и т. п.), то на сторонѣ нѣмцевъ идея высшая (*культурная и аристократическая*) въ этомъ вопросѣ. Когда *настоящее*, искреннее православіе сдѣлаетъ въ этомъ краѣ дѣйствительно большіе успѣхи, тогда на нашей сторонѣ будетъ право еще болѣе высшаго порядка; а пока, разумѣется, одинъ Остзейскій породистый баронъ самъ по себѣ стóитъ цѣлой сотни эстскаго и латышскаго разночинства. *Пока* мы еще въ Остзейскомъ краѣ служимъ все той же системѣ всеобщаго уравненія. Все это такъ, я желаю говорить правду; но Германія, въ виду русской силы

и панславизма съ одной стороны, оберегаетъ Австрію и не спѣшитъ отнять у нея ея нѣмцевъ; а съ другой, въ виду той же опасной русской силы, она при жизни Бисмарка не позволитъ себѣ воевать съ Россіей изъ-за одного Прибалтійскаго края, это было бы слишкомъ глупо. Нападеніе на Остзейскій край можетъ быть *результатомъ* войны. одной изъ ея случайностей; но не будетъ *ея причиной* до тѣхъ поръ, пока нѣмцы управляются умными людьми.

Таковы факты международной внѣшней политики. Но что же мы видимъ во внутренней жизни всѣхъ перечисленныхъ народовъ и государствъ, которые боролись передъ глазами нашими съ 1859 до 89 года? (Я пропускаю здѣсь нашу войну съ Турціей, *которая была тоже болѣе племенная, чѣмъ религіозная или чисто-государственная характера*, о ней надо говорить особо.)

Всѣ эти націи, всѣ эти государства, всѣ эти общества сдѣлали за эти 30 лѣтъ огромные шаги на пути эгалитарнаго либерализма, демократизаціи, равноправности, на пути внутренняго *смѣшенія* классовъ, властей, провинцій, обычаевъ, законовъ и т. д. И въ то же время они всѣ много „преуспѣли“ *на пути большаго сходства съ другими государствами и другими обществами. Всѣ общества Запада за эти 30 лѣтъ больше стали похожи другъ на друга, чѣмъ были прежде.*

Мѣстами *болѣе противъ прежняго крупная*, а мѣстами *болѣе противъ прежняго чистая* группировка государственности *по племенамъ и націямъ* есть поэтому ничто иное какъ поразительная по силѣ и ясности своей подготовка къ переходу въ государство космополитическое, сперва всеевропейское, а потомъ быть-можетъ и всемірное!

Это ужасно! Но еще ужаснѣе по-моему то, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ никто этого не видитъ и не хочетъ понять...

„Кто хорошо распознаетъ болѣзнь, тотъ хорошо ее лѣчитъ“, говоритъ старая медицинская поговорка...

Попытаемся же скорѣе, пока еще не поздно, распознать внимательно и смѣло тотъ недугъ, которымъ страждетъ Западъ; попытаемся распознать его во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и нерѣдко обманчивыхъ формахъ...

И тогда только, когда мы, съ трепетомъ пророческаго страха за свою дорогую родину и съ мужествомъ неизмѣнной рѣшимости, взглянемъ печальной истинѣ прямо въ глаза, тогда только мы будемъ въ силахъ судить, во первыхъ, не болѣемъ ли и мы, русскіе, тою же таинственной и сложною болѣзнью, которая губитъ западную Европу—*неорганически*, такъ сказать, *все въ ней равняя*,—а во вторыхъ—далеко ли зашло у насъ это самое разложеніе и есть ли намъ надежда на исцѣленіе — и *какъ*, и *когда?*

Вѣдь и у насъ на востокѣ Европы идея либеральнаго панславизма тлѣетъ подъ пепломъ... Какъ съ ней быть? И отказаться намъ отъ нея невозможно, невыгодно, и опасаться ее необходимо по аналогіи.

Поэтому прежде всего, я говорю, *надо внимательно и подробно проследить эту племенную идею во всѣхъ ея проявленіяхъ.*

III.

Поговоримъ теперь подробнѣе объ Италіи и о тѣхъ плодахъ, которые созрѣли въ этой классической странѣ на почвѣ *національной политики*.

Италія еще въ 1-й половинѣ этого вѣка славилась и своеобразіемъ, и разнообразіемъ своимъ. Близкая по племенному составу и языку къ Франціи и Испаніи, она весьма рѣзко отличалась отъ нихъ законами, духомъ, правами, обычаями и т. п. Добродушная патріархальность и дикая жестокость, безпорядокъ и поэзія, наивность и лукавство, пламенная набожность и тонкій развратъ, глубокая старина и вспышки крайне революціоннаго духа — все это сочеталось тогда въ жизни разъединенной и отчасти порабощенной Италіи самымъ оригинальнымъ образомъ. И кого же она тогда не вдохновляла?!

Байронъ, геніальнымъ инстинктомъ прозрѣвавшій грядущее демократическое опошленіе болѣе цивилизованныхъ странъ Европы, бѣжалъ изъ нихъ въ запущенные сады Испаніи, Италіи и Турціи,—тамъ ему дышалось легче!

О Франціи онъ совсѣмъ почти не писалъ и, сколько помнится и, не былъ въ ней, Англію ненавидѣлъ, па Германію тоже мало обращалъ вниманія.

Самое лучшее, самое самобытное и зрѣлое его произведеніе—„Чайльдъ Гарольдъ"—все наполнено картинами этихъ одичалыхъ южныхъ странъ...

Гёте Италіи обязанъ „Римскими элегіями" и знаменитымъ характеромъ „Миньоны"; Пушкинъ мечталъ объ Италіи и писалъ о ней. У Жоржъ-Зандъ въ романахъ есть множество итальянскихъ характеровъ, обработанныхъ съ особою любовью и даже пристрастіемъ *). Alf. de Musset любилъ Италію не менѣе другихъ художниковъ и поэтовъ. Италіи же обязанъ Ламартинъ однимъ изъ лучшихъ и живыхъ своихъ произведеній—романомъ „Граціелла". „Римъ" Гоголя вамъ, конечно, извѣстенъ.

Самая отсталость Италіи, полудикость ея восхищала многихъ. Прочтите, если можете, у Герцена объ Италіи; у Герцена почти все, что̀ касается политики—бредни; но за то все, что касается *жизни*—прекрасно. Всѣ были согласны, что Италія не сѣра, не буржуазна, не обыкновенна, не пошла. Всѣ путешественники восхищались разнообразіемъ не только природы ея, но и жизни, быта, характеровъ. За Альпами начинался для англичанъ, французовъ, русскихъ, нѣмцевъ какой-то волшебный міръ, какая-то прелестная разновидная панорама отъ Ломбардіи до Рима и Сициліи. Говорятъ, даже экипажи, способы сообщенія, упряжь— все было въ то время разное. При этомъ Италія тогда была сравнительно бѣдна. Не было желѣзныхъ дорогъ, гостиницы были плохи, разбой, лѣнь на югѣ и т. д. *Но всѣ эти недостатки были необъяснимымъ и неразрывнымъ образомъ сопряжены съ тѣми именно привлекательными чертами, которыя составляли отличительные признаки итальянской самобытности* (культурной, бытовой, эстетической). Искусства замѣчательнаго уже давно не было въ Италіи (за исключеніемъ музыки). *пластика отношеній* въ духѣ

*) Теверино, Лукреція Флоріани, Иччинино, Даніелла и т. д.

самихъ итальянцевъ изсякла; *но пластика жизни* за то вдохновляла иностранцевъ. Вотъ это настоящій обмѣнъ духовный, возможный только при сильной разновидности!

Раздробленная и подчиненная гдѣ Австріи, гдѣ Церкви, гдѣ деспотическимъ монархамъ, Италія стала на нашихъ глазахъ Италіей единой, политически-независимой, политически уравненной отъ Альповъ до Этны, однородно конституціонной, несравненно болѣе индустріальной, чѣмъ прежде, съ желѣзными дорогами и фабриками.

Она стала больше прежняго похожа на Францію и на всякую другую европейскую страну. Измѣненія внѣшне-политическаго положенія и внутреннихъ учрежденій съ удивительною быстротой отразились въ измѣненіи жизни, быта, нравовъ и обычаевъ,—вообще, въ опошленіи *тѣхъ самыхъ картинъ духовно-пластическихъ, на которыхъ такъ блаженно и восторженно отдыхали вдохновенные умы остальной Европы.*

Усилившись, Италія почти немедленно обезличилась культурно. Какъ политическая сила, она все-таки остается презрѣнной и не важной и не имѣетъ будущаго. Какъ явленіе культурное, она на глазахъ нашихъ утрачиваетъ смыслъ свой; ибо, конечно, не ей предстоитъ впредь вести за собою Европу, не ей творить,—новаго творчества у нея впереди не будетъ; сохранить же поучительную поэзію стараго своего творчества, великіе остатки свои (я говорю не о камняхъ, а объ жизни) она не смогла, увлекшись жаждой пріобрѣсти ту политическую силу, которая цѣлые вѣка не давалась ей при раздробленіи и зависимости.

Но увы!—раздробленная она царила многимъ надъ другими (папствомъ, искусствомъ, страннымъ соединеніемъ тонкости съ дикостью и т. д.). Объединенная, она стала лишь «мѣщанинъ въ дворянствѣ» сравнительно съ Россіей, Германіей, Франціей и т. д.; въ политикѣ—какая то «переметная сума», у всѣхъ на пристяжкѣ, и всѣми, и вездѣ побѣждаемая; въ быту—шагъ за шагомъ—*какъ всѣ*!

Я не могу подробно вамъ разсказывать здѣсь, какъ непріятно я былъ пораженъ уже 20 лѣтъ тому назадъ (въ 69

году) въ Болоньѣ контрастомъ между остатками средневѣковаго величія въ соборѣ, въ феодальномъ университетѣ и т. д. и видомъ *сърочерной, такой же какъ вездѣ*, уличной, отвратительной, европейской толпы! Съ какою радостью я, переѣхавши море, увидалъ въ турецкомъ Эпирѣ, куда я назначенъ былъ консуломъ, иную жизнь,—не эту всеобщую истинно проклятую жизнь пара, конституціи, равенства, цилиндра и пиджака.

Да, впрочемъ, кто же изъ знавшихъ Италію *прежнюю* теперь живъ?—Никто. Но книги есть, картины есть, разсказы прекрасные есть. Сравните. Отыщите, наприм., описанія *прежнихъ* пышныхъ папскихъ процессій, *прежнихъ* карнаваловъ, *прежней* Венеціи, *прежняго* развратнаго и набожнаго, деспотическаго и лѣниваго, но обворожительнаго Неаполя. Природа—та же оригинальная, характеръ жизни, мѣняясь и мѣняясь, постепенно приближается все болѣе и болѣе *къ обще-европейскому среднему уровню, къ среднему типу.*

Замѣчу, что, живя еще въ Турціи, я вырѣзалъ изъ одной иностранной (не помню какой) газеты статью о томъ, что теперь, послѣ войны 71 года, предстоитъ Риму (т. е. послѣ вступленія въ папскій Римъ итальянскаго войска). Въ этой статьѣ (быть-можетъ клерикальнаго происхожденія) справедливо пророчили общеевропейское опошленіе жизни «вѣчнаго» города. И въ ней говорили: «Процессій не будетъ, будетъ обиліе фабрикъ и стачки голодающихъ рабочихъ; обычный комфортъ замѣнитъ живописный безпорядокъ стараго папскаго Рима» и т. д. *)

Мнѣ очень жаль, что эта вырѣзка потеряна или уничтожена.

Объ Италіи я кончилъ. Очень полезно было бы привести побольше картинъ и примѣровъ, но я не въ силахъ этого сдѣлать, ибо тогда эти письма обратились бы въ серьезную работу, которая потребовала бы бездну цитатъ и справокъ.

Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти справки поразительно бы подтвердили то, что я говорю *).

Теперь о Германіи.

«A priori» тоже безъ всякихъ справокъ и примѣровъ мож-

*) „Русск. Вѣсти.“.

но сказать, что если какая-нибудь нація была долго раздѣлена на множество государствъ, то въ духѣ и бытѣ ея, въ ея нравахъ, учрежденіяхъ, обычаяхъ и т. д. будетъ много разнообразія и своеобразія; а когда эта раздробленная нація сольется въ единое государство, то неизбѣжно начнется процессъ ассимиляціи,—сначала въ верхнихъ слояхъ, а позднѣе въ низшихъ. И факты подтверждаютъ это. Стóитъ только вообразить католическую Баварію и Пруссію временъ хоть Фридриха II или даже Наполеона I, и между этими двумя крайностями Юга и Сѣвера, католицизма и протестантства, представить себѣ Ганноверъ, С.-Веймаръ, Вюртембергъ, Гессенъ-Дармштадтъ и т. д. стóитъ только поискать въ библіотекахъ прежнія описанія тѣхъ странъ и государствъ и прежнія о нихъ сужденія какъ самихъ нѣмцевъ, такъ и иностранцевъ,—и сейчасъ будетъ ясно, какъ много и какъ скоро стала измѣняться Германія послѣ 1866 и 71 годовъ, *измѣняясь къ худшему въ отношеніи собственно національномъ—культурномъ, по мѣрѣ возрастанія политическаго единства, независимости и международнаго преобладанія.*

Я говорю: «независимости»—въ смыслѣ относительномъ, ибо хотя всѣ германскія государства и самый Союзъ и прежде были *въ принципѣ* такъ же независимы, какъ Россія, Австрія, Франція, Англія и Турція, но на дѣлѣ старый Германскій Союзъ былъ въ международной политикѣ слабъ, нерѣшителенъ, зависимъ то отъ Россіи, то отъ Франціи (при Наполеонѣ I-мъ) и т. д. *Объединеніе*, значитъ, и въ этомъ случаѣ было солидарно съ нѣкотомой *эмансипаціей*.

Была у Каткова одна большая и превосходная передовая статья о томъ, какъ прежнее разъединеніе Германіи было плодотворно для ея богатой разнообразной культуры и какъ трудно ожидать, чтобы при новыхъ порядкахъ это богатство сохранилось. Что статья такая была — это вѣрно, но когда была она напечатана — въ 71 или 72 году, этого я указать не могу. Конечно, не ранѣе 71 и не позднѣе 72 г. (едва ли даже въ 73 г.) Хорошо бы найти ее вамъ въ музеѣ.

III.

Есть у меня три небольшіе тома подъ заглавіемъ: „Обзоръ современныхъ конституцій“. Первыя двѣ части были изданы еще въ 1862 году *людьми весьма либеральными*, какъ бы въ „пику“ нашему правительству, „что вездѣ, даже и на Сандвичевыхъ островахъ, есть конституціи, а у насъ нѣтъ“. Конституціонно-демократическое королевство съ двумя палатами въ этомъ сборникѣ представляется почти идеаломъ; я говорю „почти“, ибо и республики, вродѣ швейцарской и сѣверо-американской, пользуются у авторовъ большимъ уваженіемъ. Но, какъ бы то ни было, факты остаются фактами, и такъ какъ эта книжка впервые была издана въ началѣ 60-хъ годовъ, когда о германскомъ единствѣ не было и помина, то и она, изображая разницу между учрежденіями разныхъ нѣмецкихъ государствъ, даже и въ $^1/_2$ нашего вѣка можетъ также служить для подтвержденія того, что нынѣшнее національное единство принимаетъ *неизбѣжно* нивеллирующій, *всеуравнивающій*, болѣе или менѣе *эклитарный характеръ*; сводитъ съ первыхъ же шаговъ всѣхъ и все на путь *чего-то средняго*,— сперва на путь большаго противу прежняго *сходства составныхъ частей между собою*, а *потомъ и на путь большаго сходства съ наияснѣйшимъ первообразомъ новой Европы—съ эклитарно-либеральной Франціей*, уже съ 89 года прошлаго вѣка стремящейся у себя уничтожить всѣ сословные, провинціальные и даже личные въ людяхъ оттѣнки. Токвиль въ своей книгѣ: „Lancien régime et la Révolution“ первый сталъ жаловаться на то, что французы его времени, (т.-е. 30—40 годовъ) несравненно болѣе между собою схожи, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Въ 50-хъ годахъ Дж. Ст. Милль издалъ замѣчательную книгу: „О свободѣ“. Книга эта, положимъ, весьма неудачно озаглавлена,—ее надо бы назвать: „О разнообразіи“. или: „О разнообразномъ развитіи людей“,—ибо она написана *прямо съ цѣлью доказать, что однообразіе воспитанія и положеній, къ которому стремится Европа, есть гибель*. „Сво-

бода“ тутъ у него вовсе не кстати, ибо отъ него какъ-то ускользнуло то обстоятельство, что именно *нынѣшняя свобода, нынѣшняя легальная эмансипація*, больше всего и способствуетъ тому, чтобы все бо́льшее и бо́льшее количество людей находилось въ *однородномъ положеніи* и *подвергалось бы однообразному воспитанію*. Однако, несмотря на эту грубѣйшую и непостижимую ошибку, въ этой книгѣ Дж. Ст. Милля есть драгоцѣнныя страницы и строки, его же собственный либерализмъ безпощадно опровергающія; онъ тоже цитируетъ Токвиля и жалуется на современное однообразіе англичанъ. Въ 50-хъ годахъ (кажется) вышла нѣмецкая книга Риля „Страна и люди“ (Land und Leute). Риль говоритъ, что въ средней Германіи слишкомъ все уже *смѣшалось*, что тамъ нѣтъ глубины и оригинальности и что остатки этой глубины духовной и оригинальности бытовой надо искать или на югѣ Германіи, или на крайнемъ сѣверѣ. Книгу эту, впрочемъ, я читалъ такъ давно, что не хочу указывать самоувѣренно на тѣ частности, которыя остались у меня въ памяти (не считаю себя вправѣ вполнѣ довѣрять ей); помнится только, что природа (лѣсъ, пустыя мѣста, горы и т. п.) играетъ въ этой книгѣ Риля болѣе значительную роль, чѣмъ учрежденія. Но это не бѣда; природа (особенно до изобрѣтенія паровыхъ и электрическихъ сообщеній) вліяла, какъ всякому извѣстно, глубоко не только на общіе нравы и личные характеры, но и на учрежденія. И, наоборотъ, учрежденія (особенно при нынѣшнихъ средствахъ сообщенія) глубоко вліяютъ на природу. Общество вездѣ нынче жестоко подчиняетъ природу (въ томъ числѣ и личный характеръ, *натуру* отдѣльнаго лица). Напримѣръ, при глубоко сословномъ строѣ временъ Государя Николая Павловича едва-едва рѣшились у насъ построить желѣзную дорогу между двумя нашими столицами. *Не было потребности*; было меньше междусословнаго *уравнивающаго движенія*, было гораздо меньше надеждъ и мечтаній *перемѣнить свое положеніе* и меньше поэтому потребности *перемѣнить свое мѣстожительство*. Движеніе всякаго рода было тогда умѣреннѣе; положенія были устойчивѣе, образъ жизни въ каждой общественной группѣ (у

дворянъ, купцовъ, у бѣлаго духовенства и крестьянъ) былъ постояннѣе, тверже и, вслѣдствіе этого, обособленнѣе въ каждой группѣ. Только самые сильные въ худомъ и въ хорошемъ направленіи, даровитые или особенно счастливые и хитрые люди, или особенно оригинальные вырывались изъ своей группы такъ или иначе,—добромъ или зломъ, но вырывались. Вмѣстѣ съ усиленіемъ свободнаго движенія *личной воли*, хотя бы и дурацкой, *личнаго разсужденья*, хотя бы и весьма плохаго, съ освобожденіемъ и отъ духа сословныхъ группъ и отъ общенаціональныхъ старыхъ привычекъ, усилилась и потребность физическаго движенія; большое количество людей захотѣло ѣздить, и ѣздить скоро; *скоро мѣнять и мѣсто, и условія своей жизни*. Построилось вдругъ множество желѣзныхъ дорогъ, стали вырубаться знаменитые русскіе лѣса, стала портиться почва, начали мелѣть и великія рѣки наши. *Эмансипированный* русскій человѣкъ восторжествовалъ надъ своей родной природой,—онъ изуродовалъ ее быстрѣе всякаго европейца. Такихъ примѣровъ и обратныхъ бездна.

Природа, „*натура*“ человѣка, *учрежденія*, бытъ, вѣра, моды—все это органически связано.

Едва ли, наприм., *слишкомъ уравненная* почва нынѣшней Франціи дастъ достаточный ходъ какой-нибудь *сильной натурѣ*, какому-нибудь новому Наполеону. Мы видѣли, какъ паутина *демократической легальности* запутала еще недавно даровитаго и смѣлаго Гамбетту.

Возвращаюсь опять къ состоянію современной Германіи.

Наполеоны и Бисмарки, т.-е. люди не пошлые, на другихъ не похожіе, само собою разумѣется, нужны для того, чтобы дать толчокъ дальнѣйшему смѣшенію, гдѣ сословій и классовъ, гдѣ провинцій или независимыхъ государствъ одного племени; но *результатъ* ихъ дѣятельности въ XIX вѣкѣ все тотъ же—*еще огромный шагъ ко всеобщей ассимиляціи*.

Германія объединенная, единая, сплошная, сохранившая только кое-гдѣ тѣни прежнихъ королей и герцоговъ, общеконституціонная, съ однимъ общимъ ограниченнымъ императоромъ, тѣсно связанная теперь одинакими военными, тамо-

женными и т. п. условіями, *не только стала внутренно однообразнье прежняго, но и гораздо больше стала похожа строемъ своимъ на побѣжденную ею Францію.* Стоитъ только въ контрастъ нашему времени вообразить картину и жизнь *одной и монархической* Франціи хоть въ XVIII вѣкѣ и жизнь *тоже монархической, но раздробленной Германіи* того же времени, чтобы ясно увидать, до чего *теперь культурная, бытовая, національная, собственно* разница между двумя этими странами уменьшилась.

Впрочемъ, я полагаю, и провѣрить все то, что я говорю, не особенно трудно человѣку молодому, трудолюбивому и не ослѣпленному какимъ-нибудь предубѣжденіемъ. Побольше разныхъ фактовъ, разныхъ справокъ, и я, безъ сомнѣнія, буду ими вполнѣ оправданъ.

Говорить ли здѣсь много объ Испаніи? Я думаю — не стоитъ. Испанія давно уже не была *раздроблена* политически на отдѣльныя государства, какъ Германія и часть Италіи. У нея не было, какъ у Италіи, цѣлыхъ областей, *подчиненныхъ* иностранной власти. Ей не нужно было ни *освобождаться*, ни стремиться къ *политическому единству*. Она просто прямо, *безъ изворотовъ*, шагъ за шагомъ, подобно Франціи и Англіи, *демократизировалась внутренно и стала сходнѣе съ другими націями* въ теченіе этого исходящаго XIX вѣка. Есть у нея, правда, родственная по племени и независимая отъ нея Португалія, точно также какъ есть у Франціи независимая *(пока еще) французская же* Бельгія,—„время терпитъ!“ Современные оттѣнки очень неважны съ той высшей точки, съ которой я смотрю. И эти оттѣнки могутъ легко сгладиться при первомъ внутреннемъ переворотѣ, ведущемъ къ дальнѣйшей разрушительной ассимиляціи или послѣ какой-нибудь новой международной борьбы, въ *наше время везде влекущей за собою бытовую безхарактерность* какъ побѣдителя, такъ и побѣжденнаго,—какъ поглощеннаго, такъ и поглотителя,—какъ освобожденнаго, такъ и завоеваннаго.

Всѣ идутъ къ одному—къ какому-то средне-европейскому типу общества и къ господству какого-то средняго человѣка.

И если не произойдётъ въ XIX вѣкѣ гдѣ-нибудь и какой-нибудь *невообразимый даже* переворотъ въ самихъ идеяхъ, потребностяхъ, нуждахъ и вкусахъ, *то и будутъ такъ идти, пока не сольются всѣ въ одну—всеевропейскую, республиканскую федерацію.*

Поэтому ни о Португаліи, ни о Голландіи, ни о Швейцаріи, Даніи или Швеціи не стóитъ и распространяться по поводу того широкаго и серьезнаго вопроса, который насъ занимаетъ.

Въ культурно-бытовомъ отношеніи во всѣхъ этихъ небольшихъ государственныхъ мірахъ и безъ того съ каждымъ годомъ остается все меньше и меньше своеобразнаго и духовно-независимаго. А политическая, внѣшняя независимость ихъ держится лишь соперничествомъ или милостію большихъ державъ.

IV.

Еслибы случалось всегда такъ, что плоды политическіе, соціальные и культурные соотвѣтствовали бы замысламъ руководителей движенія или идеаламъ и сочувствіямъ руководимыхъ массъ, то умственная задача наша была бы гораздопроще и доступнѣе какому-нибудь реальному и осязательному объясненію.

Но когда мы видимъ, что побѣды и пораженія, вооруженныя возстанія народовъ и если не всегда „благодѣтельныя“, то *несомнѣнно благонамѣренныя* реформы многихъ монарховъ, освобожденіе и покореніе націй,—однимъ словомъ, самыя противоположныя историческія обстоятельства и событія приводятъ всѣхъ къ одному результату—*къ демократизаціи внутри* и *къ ассимиляціи во внѣ*, то, разумѣется, является потребность объяснить все это болѣе глубокой, высшей и отдаленной (а можетъ-быть и весьма печальной) *телеологіей*.

Лѣтъ десять тому назадъ, огорченный и оскорбленный не столько берлинскимъ трактатомъ, сколько той всесвѣтно европейскою пошлостью, которая немедленно послѣ войны воцарилась въ освобожденной Болгаріи, я хотѣлъ было писать большую статью подъ довольно затѣйливымъ заглавіемъ: „*Про-*

тей обще-европейскаго разложенія". Заглавіе это нравилось мнѣ потому, что указывало какъ на сложность и обманчивость этого процесса, такъ и на какую-то таинственную силу, стоящую внѣ человѣческихъ соображеній и несравненно выше ихъ.

Но печатать такую статью въ то время было негдѣ и я не написалъ ее... Я только мимоходомъ упомянулъ объ этомъ „Протеѣ" моемъ въ концѣ одной замѣтки, помѣщенной въ газетѣ „Востокъ", малоизвѣстной, бѣдной и *всѣми (даже и Катковымъ!) принятой за крайній ея консерватизмъ.* Вы можете найти, если хотите, это мѣсто въ первомъ томѣ моего сборника (см. „Письма отшельника", „Наше болгаробѣсіе" и т. д.).

Но оставимъ пока эти общія разсужденія. Припомнимъ лучше еще разъ ближайшія событія европейской исторіи съ того года (съ 59-го), въ который Наполеонъ III вздумалъ „оффиціально", такъ сказать, написать на знамени своемъ этотъ самый девизъ „*политической національности*".

Я не боюсь повтореній. Разъ рѣшившись писать объ этомъ, я боюсь только неясности.

Факты же современной исторіи до такой грубости наглядны, до такой вопіющей скорби поучительны, что они сами говорятъ за себя, и я не могу насытиться ихъ изложеніемъ.

Въ 1859 году Наполеонъ III сговаривается съ Піемонтомъ и въ союзѣ съ нимъ побѣждаетъ Австрію, которая противится этому національно-политическому принципу.

Этотъ приговоръ исторіи повторяется съ тѣхъ поръ неизмѣнно: все то, что противится политическому движенію племенъ къ освобожденію, объединенію, усиленію ихъ въ государственной отдѣльности и чистотѣ—все это побѣждено, унижено, ослаблено. И замѣтьте, все это противящееся (за немногими исключеніями, подтверждающими лишь общее правило) носитъ тотъ или другой *охранительный характеръ.* Побѣждена Австрія католическая, монархическая, самодержавная, аристократическая, анти-національная, чисто государственная—Австрія, которую не даромъ же предпочиталъ даже и Пруссіи нашъ великій охранитель Николай Павловичъ. Замѣтьте, что и безучастіе Россіи въ 1859 году, ея почти-что потворство француз-

скимъ побѣдамъ и ея все возрастающее нерасположеніе къ Австріи доказываетъ, что въ началѣ 60-хъ годовъ и позднѣе, не только въ обществѣ русскомъ, но и въ правительственныхъ сферахъ *племенныя чувства начинаютъ брать верхъ надъ государственными инстинктами*. Это одно, по-моему, уже не дѣлаетъ чести племенному чувству, не хорошо рекомендуетъ его. Все то, что началò нравиться въ 60-хъ годахъ,—*подозрительно*. Это станетъ еще понятнѣе, когда вы вспомните, что пробужденіе этого *племеннаго* чувства у насъ совпадаетъ по времени съ весьма искреннимъ и сильнымъ *внутренно-уравнительнымъ* движеніемъ (эмансипаціи и т. д.). *Мы тогда стали больше думать о славянскомъ національномъ и домашнемъ, и за предѣлами Россіи, когда учрежденіями и нравами стали вдругъ быстро приближаться ко всей-Европѣ*. (Не горько-ли это?!)

Мы даже на войско надѣли тогда французское *кепи*. *Это очень важный символъ!* Ибо, имѣя въ духѣ нашемъ очень мало наклонности къ дѣйствительному творчеству, мы всегда носимъ въ сердцѣ какой-нибудь готовый западный идеалъ. Прусская каска Николая I, символъ монархіи сословной, намъ тогда разонравилась, и безобразное кепи, нарядъ эгалитарнаго кесаризма, намъ стала больше по сердцу! Прошу васъ, *задумайтесь* надъ этимъ! Это вовсе не пустяки; это очень важно!

Итакъ, въ 1859 году ослаблена Австрія, государство весьма охранительное. *У папы въ то же почти время отнята часть земли*. Вмѣстѣ съ тѣмъ приготовляется издали пораженіе Франціи *и обращеніе ея въ республику*, ибо Италія выросла не въ помощницы ей, а во врага, не всегда даже тайнаго,—она выросла въ союзницы Пруссіи, которой будущія побѣды *должны были привести Францію къ разочарованію въ кесаризмѣ* и *къ якобинской* (мѣщанской) *республикѣ*.

Посмотрите: когда нужно было (по рѣшенію и мановенію невидимой десницы) побѣдить въ Крыму Россію, *монархію крѣпко-сословную, дворянскую, консервативную, самодержавную*, а въ 1859 году Австрію, *державу тоже* (и даже болѣе, чѣмъ Россія) *охранительную*,—у Наполеона III, у министровъ и генераловъ его нашлись и сила, и мудрость, и предусмотри-

тельность,—все нашлось! Когда же потребовалось созданіе *весьма либеральной, естественно-конституціонной, анти-папской и давно уже слабо-аристократической* Италіи (вдобавокъ глубоко разъѣдаемой соціализмомъ), то противъ Австріи, мѣшавшей этому, сила нашлась, но противъ Италіи *не нашлось мудрости*. Старикъ Тьеръ, говорившій уже тогда противъ итальянской эмансипаціи, былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Обратите еще вниманіе и на то, что случилось вслѣдъ за этимъ съ Франціей въ 1862 и 63 годахъ. Взбунтовалась *весьма дворянская и весьма католическая* Польша противъ Россіи, искренно увлеченной въ то время своимъ разрушительно-эмансипаціоннымъ процессомъ. У Франціи не нашлось тутъ уже не только одной мудрости, но и силы. Она подняла на Западѣ въ пользу *реакціоннаго* польскаго бунта пустую словесную бурю, которая только ожесточила русскихъ и сдѣлала ихъ строже къ полякамъ; Россія же послѣ этого стала смѣлѣе, сильнѣе, *еще и еще либеральнѣе сама и въ то же время насильственно демократизировала Польшу и больше прежняго ассимилировала ее.*

Войну объявить Россіи за Польшу Франція не рѣшилась, не могла. *Таинственная десница не допустила ее.* Для этого тайнаго двигателя достаточно было на столько *ободрить* католическую, дворянскую, реакціонную Польшу и на столько *раздражить* Россію (еще не совсѣмъ увѣренную въ своихъ *общe-европейскихъ* начинаніяхъ), чтобы вторая, побѣдивши, повѣрила бы больше въ свою *милитарно-либеральную правоту*, и чтобы первая была *насильственно демократизирована*. Словомъ, чтобы обѣ разомъ еще на нѣсколько большихъ и ускоренныхъ шаговъ приблизились *къ общесмысленному стилю нынѣшнихъ западныхъ обществъ*.

Старайтесь не забывать при этомъ, что опѣ обѣ,—Польша и Россія—*боролись подъ знаменемъ національнымъ*. Въ Россіи давно уже все *русское общество* не содѣйствовало правительству съ такимъ единодушіемъ и усердіемъ, какъ во время этого польскаго мятежа. *Русское* это общество, движимое тогда оскорбленнымъ *національнымъ, кровнымъ* чувствомъ сво-

имъ, при видѣ неразумныхъ посягательствъ поляковъ на малороссійскія и бѣлорусскія провинціи наши, стало гораздо строже самого правительства и... послужило, само того не подозрѣвая, все къ тому же и тому же *космополитическому всепретворенію!*

До 1863 года и Польша, и Россія—обѣ *внутренними порядками своими гораздо менѣе были похожи на современную имъ Европу, чѣмъ онѣ обѣ стали послѣ своей борьбы за національность.*

Почти въ то же время Наполеонъ III потерпѣлъ еще и другую неудачу. И потерпѣлъ ее потому вопервыхъ, что хотѣлъ создаеь новую и сильную *монархію* въ Мексикѣ. Французы, *защитники монархіи*, были почти позорно изгнаны изъ Америки *республикой* Соединенныхъ Штатовъ; императоръ Максимиліанъ былъ убитъ *демократами* Мексики.

Республика же Соединенныхъ Штатовъ въ то-же время вынесла упорную междоусобную брань, къ концу которой Сѣверъ, *промышленный, болѣе буржуазный, болѣе эгалитарно-демократическій (освободившій кстати и рабовъ)*, побѣдилъ и подчинилъ себѣ *помѣщичій и рабовладѣльческій*, то-есть нѣсколько болѣе *аристократическій* Югъ.

Россія при этомъ нравственно поддерживала Сѣверъ. Эгалитарная Франція и либеральная Англія, напротивъ того, помогали южанамъ.

Любуйтесь же, любуйтесь на хитрые извороты моего „Протея“...!

Все къ *тому же!* Все *къ тому!..*

V.

Истинно нерасторжимая связь *всеуравнивающихъ* событій продолжаетъ обнаруживаться въ 2-й половинѣ XIX вѣка все съ новой и новой силой, благодаря поразительному ослѣпленію самыхъ умныхъ и практическихъ людей, которые почти всѣ сами не понимаютъ *чему* они служатъ...

Въ 1866 году возгорается война между Пруссіей и Австріей. На сторонѣ Пруссіи *освобожденная* Франціей Италія, на сторонѣ Австріи весь остальной Германскій Союзъ.

Здѣсь ближайшія причины какъ начала борьбы, такъ и ея непосредственныхъ исходовъ—сложнѣе чѣмъ во всѣхъ предъидущихъ примѣрахъ, но мы и не станемъ входить въ подробное разсмотрѣніе, почему кто кого побѣдилъ и какой идеалъ носили въ умѣ своемъ вожди и двигатели этой борьбы. *Намъ нужно* показать только *однообразіе дальнѣйшаго результата для всѣхъ націй, принимавшихъ въ ней участіе*, а *больше ничего*.

Вообще сказать, если мы будемъ смотрѣть внимательно на производящія и предрасполагающія причины побѣдъ и пораженій, то намъ будетъ труднѣе разобраться; а если мы обратимъ больше вниманія на причины *конечныя*, то-есть все на ту же *всевмыстительную* и *всеуравнивающую теологію*, то намъ опять станетъ все ясно.

Измѣнимъ для этого порядокъ мыслей нашихъ и самаго нашего изложенія. Станемъ съ точки зрѣнія современнаго намъ положенія дѣлъ смотрѣть на прошедшія событія, и мы увидимъ, что *именно такія, а не другія событія мы бы придумали сами, еслибы имѣли цѣлью создать современное положеніе*.

Предложимъ, что у насъ было бы намѣреніе какъ можно глубже и скорѣе уравнять въ духѣ, въ учрежденіяхъ и въ обычаяхъ всю западную Европу, привести ее всю прежде всего шагъ за шагомъ къ той непрочной, эгалитарно-либеральной и централизованной, *общедоступной* формѣ правленія, которая зовется *безсословно-конституціонной монархіей* и которой самымъ типическимъ выраженіемъ была іюльская (Орлеанская) монархія Людовика-Филиппа (отъ 30 до 48 года). Обществу, подготовленному этой эгалитарно-монархической конституціей, нетрудно перейти отъ этой формы къ конституціи *эгалитарно-республиканской*, которая по слабости власти есть форма самая удобная для проявленія анархическихъ (т. е. все болѣе и болѣе разрушительныхъ) наклонностей въ народѣ. (При этомъ, конечно, и объ идеяхъ, теоріяхъ, уче-

ніяхъ и т. п. забывать не надо... Всѣ эти мысли и мечты могутъ быть вездѣ; но надо также помнить, что одна форма правленія, одинъ строй общества болѣе благопріятны для практическихъ попытокъ приложить анархическія теоріи къ дѣлу, а другіе менѣе.)

Какими же путями намъ достичь этой цѣли нашей—*вездѣ ослабить вліяніе церкви* (какой бы то ни было), *духовенства, религіи, вездѣ принизить монархическую власть, опутать ее мелкой сѣтью демократической легальности*, вездѣ стереть *послѣдніе слѣды дворянскихъ преимуществъ*, и безъ того вездѣ болѣе или менѣе умаленныхъ и почти уничтоженныхъ какъ долгой и мелкой реформенной работой, такъ и проповѣдью идеальной въ теченіе цѣлаго полувѣка (и болѣе, считая отъ 89 года до 59, 60, 61 напримѣръ)? Какъ же это сдѣлать? Положимъ, что мы съ вами даже всемогущи, но мы *не* *хотимъ показывать это*, и потому, съ презрительной улыбкой сожалѣнія глядя на заблужденія людскія, мы предоставляемъ имъ дѣлать... дѣлать... что дѣлать?... Мы, конечно, предоставили бы имъ дѣлать *именно то, что они дѣлали въ политикѣ за послѣдніе года.*

До 1860-го, 66 и 71 года этого вѣка *группировка главныхъ политическихъ силъ на Западѣ была старая. Несмотря на мелкія пограничныя измѣненія, она была въ главныхъ чертахъ почти все та же въ теченіе какихъ-нибудь 400 лѣтъ*: единая, одноплеменная Франціяе; единая Англія (по племенному составу, не считая даже колоній, болѣе Франціи пестрая); единая, но разноплеменная Австрія; однородная, но раздробленная Италія и такая же однородная и раздробленная Германія.

Общественная почва всей западной Европы достаточно уже разрыхлена, какъ я выше сказалъ, вѣковой подготовительной работой раціонализма, безбожія, гражданской равноправности, индустріальнаго движенія, неоднократными анархическими вспышками и т. д. — У царей ослабѣла вѣра въ ихъ божественное право; знать вездѣ предпочитаетъ деньги прежней власти, вездѣ болѣе или менѣе ищетъ популярности; сред-

нее сословіе («*средній человѣкъ*») вездѣ такъ или иначе давно у дѣлъ, и если онъ ученъ и богатъ, онъ давно гораздо больше значитъ, чѣмъ знатный человѣкъ; работникъ тоже поднялъ голову; и права, и потребности, и самомнѣніе его возрасли неимовѣрно, а вещественная жизнь стала и дороже, и труднѣе, и положеніе поэтому обиднѣе для его *какъ разъ кстати* возроснаго самолюбія.

Итакъ, почва хорошо подготовлена.—Однако многаго еще недостаетъ для дальнѣйшаго (разрушительнаго) прогресса на искомомъ нами пути.

Многое недостаточно еще *уравнено* и недостаточно *дезорганизировано* для достиженія того идеала *разложенія въ однородности*, къ которому мы съ вами, *по предполагаемому выше уговору*, стремимся. (Организація, вѣдь, выражается разнообразіемъ въ единствѣ, хотя бы и самымъ *насильственнымъ*, *а никакъ не свободой въ однообразіи*,—это именно *дезорганизація*).

Что же намъ дѣлать? Какъ обмануть людей? А вотъ какъ: Во многихъ мѣстахъ люди власти и вліянія, какъ будто наученные грубымъ опытомъ исторіи, *не хотятъ и не могутъ итти дальше на пути прямой и открытой демократизаціи*. Они понимаютъ, что это будетъ немедленная гибель... Желая (какъ я предположилъ) предоставить имъ волю *воображать*, что они сами придумываютъ что-то полезное и дѣлаютъ именно то, чего бы они желали, т.-е. или возвеличить *наполо* свою національность тамъ, гдѣ она свободна, или освободить тамъ, гдѣ она не свободна (тоже все-таки возвеличить) и т. д., мы обманываемъ ихъ миражемъ какого-то *особаго* «національнаго призванія», культурной независимости и т. д.

Той мелкой предварительно прогрессивной работы реформъ, пропаганды, вспышекъ, интригъ, пониженія высшихъ и возвышенія низшихъ въ собственныхъ нѣдрахъ всѣхъ націй, о которой была рѣчь, становится для нашей цѣли въ половинѣ XIX вѣка уже недостаточнымъ. *Демократическая* идея по нашему наущенію *прикидывается идеей національной*; идея *политическая* воображаетъ себя *культурной*.

Все готово!—*Нужно только еще великій переворотъ вѣковаго равновѣсія великихъ державъ на Западѣ.* И онъ почти внезапно совершается!

Послѣдствія далеко превзошли ожиданія! Возникли двѣ новыя великія державы на югѣ и сѣверѣ. Прежнія двѣ главныя вершительницы судебъ континентальнаго Запада—Австрія и Франція—унижены и ослаблены... Но онѣ не уничтожены. Западъ сталъ еще *ровнѣе теперь и по распредѣленію національно-государственныхъ силъ.* — Сама Германія никогда уже не будетъ имѣть той первоклассной силы, которую имѣла когда-то Франція. Прежняя Франція вѣсила страшно не только оружіемъ, но и такимъ обще-культурнымъ вліяніемъ, котораго нынѣшней Германіи какъ ушей своихъ не видать! Ибо Франція, постоянно что-нибудь *выдумывая и творя* (не по «нашему»), была этимъ самымъ въ высшей степени оригинальною. А въ нынѣшней Германіи ничего такого оригинальнаго нѣтъ, что можно бы равнять съ Франціей Людовика XIV, Вольтера, первой революціи Наполеона I и даже Людовика-Филиппа. Это—разъ. А во-вторыхъ и внѣшнее политическое положеніе не то, и внутренняя почва не та у *современной* Германіи, какая была у *прежней* Франціи.—Далеко не та уже! —Самъ Бисмаркъ великъ, но Германія стала мелка; со смертію этого истинно-великаго, но роковаго мужа, — ничтожество слишкомъ уже *уравненнаго и смѣшаннаго* нѣмецкаго общества обнаружится легко въ государствѣ, наскоро сколоченномъ его желѣзною рукой.

Я увѣренъ, что Бисмаркъ самъ это чувствуетъ.

Внѣшнее же величіе Германіи непрочно, вопервыхъ, уже потому, что ея географическое положеніе очень невыгодно (между славянствомъ и романскимъ міромъ); а вовторыхъ потому еще, что, выростая сама подъ покровомъ Россіи, она никогда не могла, въ мѣрѣ достаточной для своихъ грядущихъ выгодъ, препятствовать и ея усиленію.

Пыталась всячески, но всегда слабо, нерѣшительно; даже и при Бисмаркѣ.

Почему, напримѣръ, не *послать* было намъ Австрію въ

тылъ, когда мы стояли подъ Плевной? Эта была бы мѣра сильная и своевременная. Почему?—Могучая совокупность обстоятельствъ *не дозволила; не допустила*!

А теперь уже поздно!

Поздно для австро-германскихъ *дѣйствительныхъ* торжествъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Этого торжества теперь не бойтесь...

Бойтесь другаго... Бойтесь, напротивъ того, чтобы *наше торжество, въ случаѣ столкновенія не зашло сразу слишкомъ далеко, чтобы не распалась Австрія* и *чтобы мы не оказались внезапно и безъ подготовки лицомъ къ лицу съ новыми милліонами эмансипированныхъ и свободолюбивыхъ братьевъ славянъ.* Это будетъ хуже самаго жестокаго пораженія на полѣ брани!

VI.

Итакъ, продолжаю предполагать, что мы съ вами всемогущи и желаемъ ускорить на Западѣ ходъ всеобщей ассимиляціи.

Въ такомъ предположеніи, что̀ бы намъ предстояло сдѣлать?

Намъ престояло бы, вопервыхъ, *передовую* страну Запада, Францію (*по стопамъ которой весь міръ идетъ нынѣ*), передѣлать *поскорѣе* въ сравнительно прочную якобинскую (капиталистическую, буржуазную) республику съ безсильнымъ президентомъ. Я говорю *сравнительно*, а не *прямо*—прочную; *первая* якобинская республика (республика конвента и директоріи) просуществовала только *семь лѣтъ* (отъ 93 года до 1800, т.-е. до Наполеона, до консульства); *вторая* республика такая же, но съ наклонностью къ соціализму, продержалась еще меньше (отъ 48 до 51 года); соціальная почва Франціи въ тѣ времена содержала еще въ себѣ слишкомъ много идеализма, чтобы нація надолго могла удовлетвориться такой скромной, прозаической (прямо сказать) формой правленія. Но долгій рядъ неудачныхъ опытовъ и разочарованій поневолѣ дѣлаетъ людей болѣе сухими и опять таки тоже *болѣе средними*. Якобинская республика безъ террора и съ безсиль-

ными президентами—это именно и есть господство „среднихъ людей“, „среднихъ состояній“, „среднихъ способностей“, „средней власти“. И для того, чтобы еще больше понизить (*то-есть уравнять*) соціальную почву этой *передовой* Франціи, необходимо было и продлить нѣсколько подольше прежняго существованіе этого скромнаго и плоскаго „режима“ среднихъ людей. И вотъ эта *третья* республика держится пока на нашихъ глазахъ уже не 7 лѣтъ, какъ первая, и не 3, какъ *вторая*, а цѣлыхъ—*восемнадцать лѣтъ* (отъ 71 до 89 года)!

Такова и была бы наша первая цѣль, еслибы мы желали и могли разрушить скорѣе культурно-государственное величіе старой Европы.

Вовторыхъ, намъ бы нужно было еще и еще всячески ослабить *Папство*, — этотъ главный очагъ или точку коренной опоры европейскаго охраненія.

Втретьихъ, нужно бы заставить все западное человѣчество сдѣлать еще нѣсколько шаговъ на роковомъ пути *эгалитарнаго всепретворенія*, *подогнать*, такъ сказать, *отсталыхъ*, коснѣющихъ еще въ болѣе благородныхъ формахъ прежняго государственнаго быта: нѣмцевъ, австрійцевъ, итальянцевъ,— чтобы и они ближе подошли къ идеалу французскаго, передоваго общества.

Какъ же это сдѣлать? Съ *чего начать?* Еще разъ спрашиваю себя.

Вотъ съ чего:

Французскій императоръ, почти самодержавный, но обязанный своею властью не наслѣдственности и божественному праву, *а демократической подачѣ голосовъ*, побѣдившій недавно въ Крыму Россію (*въ то время столь консервативную*) и снова нуждаясь въ военной славѣ *для своей популярности*, придумываетъ пустить въ ходъ „національную политику, которой идея давно, впрочемъ, была уже въ воздухѣ. Онъ, побѣждая Австрію (давнюю соперницу Пруссіи) и создавая большую Италію, подготовляетъ этимъ самымъ сперва союзъ этой Италіи съ Пруссіей, а потомъ и свое собственное пора-

женіе рукой этой возвеличенной Пруссіи. Онъ подготовляетъ поэтому: *якобинскую республику во Франціи—разъ, политическое паденіе Папства —два*, болѣе противу прежняго *уравненную, смѣшанную, однородную, эклектарную имперію въ Германіи—три*, болѣе, наконецъ, противу прежняго *либеральные конституціонные порядки въ самой Австріи — четыре*. Объ Италіи я сказалъ много прежде и потому здѣсь ее пропускаю. Замѣчу впрочемъ, что она, при всемъ своемъ ничтожествѣ, быть-можетъ самая вредная для Европы страна, ибо она самый главный врагъ Папству.

Во внутреннихъ дѣлахъ всѣхъ помянутыхъ странъ (дѣлахъ органически связанныхъ со внѣшней политикой) мы видимъ *немедленно усиливающееся движеніе на пути все той же всесокрушительной ассимиляціи*. Въ Германіи (вскорѣ послѣ 1871 года) *начинается борьба противу католичества*. Великій Бисмаркъ поступаетъ тутъ такъ, какъ шло бы поступать самому обыкновенному вульгарному атеисту-профессору. Что дѣлать! Либеральная конституція (съ 48 года) такъ уже въѣлась въ кровь и плоть нѣмецкаго общества, „національ-либеральная“ партія такъ стала сильна *въ объединенной Германіи*, что даже и Бисмарку заблагорассудилось ей угодить, ее привлечь! (Все для болѣе успѣшной *ассимиляціи* всего.) Для подобныхъ случаевъ либеральнаго искательства на Западѣ есть всегда готовая жертва—римскій папа. Эту жертву тѣмъ легче и пріятнѣе травить, что она физически ослабѣла, а нравственный вѣсъ свой не вполнѣ еще утратила. Подлыхъ чувствъ противу Рима (*ослиныя чувства противу ослабѣвшаго льва*) такъ много въ этой „нынѣшней“ Европѣ!!... Нельзя ли и Бисмарку ими воспользоваться? Нельзя ли и ему замарать руки въ грязи мѣщанскихъ бравадъ?... „Среднее хамье“ это шумитъ, хорохорится! Физической опасности никакой. — Самые ревностные католики уже не бунтуютъ за святаго отца! *Это вѣдь не соціалисты, полные упованій на окончательную мертвенную неподвижность всеобщаго мира и благоденствія*. За *настоящую вѣру* уже не прольется нынѣче кровь! Чтобы разогрѣть людей и заставить ихъ пролить

кровь будто бы за вѣру, надо *подъ* вѣру „подстроить“ какъ-нибудь *племя*. (Такъ было у поляковъ въ 62 году; такъ было и у насъ въ 76 и 78-мъ).

Католицизмъ, положимъ, еще не сдался тогда въ принципахъ, и позднѣе Бисмаркъ пошелъ самъ на уступки. — Но развѣ эти потрясенія и эта борьба причинили мало вреда охраненію? Развѣ мы не помнимъ, какъ тогда было испугано этимъ движеніемъ само протестантское духовенство. Оно, обыкновенно столь непріязненное Риму, вспомнило тогда, что эта борьба направлена *противу общехристіанскаго мистицизма*; что черезъ эти либеральныя затѣи понижается уваженіе къ таинствамъ крещенія, брака и т. д. (или хоть бы къ „священнымъ обрядамъ“ *по-нѣмецки*). Протестантство, піетизмъ—есть вѣдь мистическая основа германскаго общества, и на протестантскомъ обществѣ гражданско-либеральныя дѣйствія германскаго правительства отозвались хуже, чѣмъ на средѣ католической. Взбунтоваться, защитить свои церковные принципы рукой вооруженной католики *теперь уже не могутъ*; но они сплотились все-таки крѣпче и не оставили таинствъ своихъ, а въ протестантской средѣ нашлось тогда, благодаря новымъ, всеравняющимъ въ отрицаніи законамъ, множество людей, которые перестали крестить своихъ дѣтей. Я помню, какъ тогда ужаснулись многіе и въ Германіи, и у насъ; у Каткова писано было объ этомъ, есть о томъ же превосходныя мѣста и въ письмахъ Тютчева, изданныхъ Аксаковымъ.

Противъ *великаго мистическаго отрицанія* новое правительство *объединенной и смѣшанной, чисто племенной* Германіи повело немедленно сильную борьбу; за то *соціализму оно сдѣлало огромную уступку, признавши соціалистовъ легальною партіей...*

Соціализмъ же есть *международность по преимуществу* т.-е. *высшее отрицаніе національнаго обособленія*. (Значитъ и тутъ національная политика ведетъ ко всенародному, антикультурному смѣшенію.) *Сверхъ того, въ аристократической доколѣ* (до 71—72 года) *Пруссіи „юнкерство“ стало падать;*

послѣдовали демократическія реформы. Старая Пруссія демократизируется; „пусть и она гніетъ, какъ мы!“—воскликнулъ тогда Ренанъ съ восторгомъ патріотическаго злорадства.

Еще уравненіе, еще смѣшеніе. Даже еще *два три шага на пути приближенія къ типу новой французской государственности:* чистое племя, централизація, эгалитаризмъ,— конституція (достаточно сильная, чтобы и геніальный человѣкъ не рѣшился бы ни разу на Coup d'Etat), усиленіе индустріи и торговли, и въ отпоръ этому—усиленіе, объединеніе анархическихъ элементовъ; *наконецъ—милитаризмъ. Точь - въ - точь императорская Франція!* Оттѣнки мѣстные такъ ничтожны передъ тѣмъ широкимъ и высшимъ судомъ, о которомъ здѣсь рѣчь, что о нихъ и думать не стоитъ.

Итакъ, торжество національной, племенной политики — привело и нѣмцевъ къ большей утратѣ національныхъ особенностей; Германія послѣ побѣдъ своихъ больше прежняго, такъ сказать, „офранцузилась“—въ бытѣ, въ уставахъ, въ строѣ, въ нравахъ; значительные оттѣнки ея частной, мѣстной культуры внезапно поблекли.

Ну, не рокъ ли это? Не коварный ли обманъ? Не наивное ли это самообольщеніе у самыхъ великихъ умовъ нашего вѣка, уже истекающаго въ неразгаданную и страшную бездну вѣчности?..

VII.

Послѣ разгрома второй имперіи, Франція, минуя обычную и уже прежде (отъ 1830 до 48) перейденную ею ступень орлеанской, умѣренно-либеральной монархіи, прямо переходитъ къ практическому осуществленію той самой мѣщанской (т. е. несоціалистической, а *граммато-плутократической*) республики, которую тщетно старались утвердить террористы въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка. Тогда (въ 93 и т. д. годахъ) конвентъ, несмотря на свое кровавое всемогущество, боялся еще аристократовъ, католиковъ, легитимистовъ; и онъ боялся ихъ не безъ

основанія; тогда еще была возможна Вандея; возможны были эмиграція, возстановленіе Бурбоновъ; возможенъ былъ, наконецъ, „бѣлый терроръ“ 20-хъ годовъ и т. п. Оттого проливала такъ безжалостно кровь свирѣпая буржуазія въ концѣ XVIII вѣка, что охранительныя или реакціонныя *(задерживающія разложеніе)* силы были еще не такъ изношены, какъ теперь, въ концѣ XIX-го. Якобинская-же республика во Франціи 71 года устроилась легко и просто. — „Правая“ сторона, и безъ того давно устранявшаяся отъ настоящихъ дѣлъ, и не подумала противиться. Напротивъ того, *древнее французское дворянство поторжествовало этой республикѣ.* Все продолжая *упорно мечтать* о возможности новой реставраціи подъ бѣлымъ знаменемъ Генриха V-го, *оно надѣялось, что съ республикой легче будетъ справиться, чѣмъ съ имперіей.* Многіе изъ легитимистовъ впервые со времени іюльской революціи удостоили принять высшія должности изъ рукъ Тьера, котораго они не уважали; они припяли ихъ въ надеждѣ низвергуть его. Послѣдняго они достигли и помогли маршалу Макъ-Магону занять кресло президента, точно также мечтая, что онъ будетъ для стараго Генриха V тѣмъ, чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ былъ въ Англіи Монкъ для Карла II-го Стюарта. Но— увы!—времена не тѣ; *почва соціальная измѣнилась глубоко.* Никакой аристократическій Coup d'Etat не можетъ удасться на разрыхленной столѣтнимъ эгалитаризмомъ почвѣ Франціи! Макъ-Магонъ уходитъ, а въ президенты попадаетъ сперва безличный буржуа Греви, а потомъ Сади-Карно, тоже неважный; и *вообразите, какъ увѣряютъ, некрещеный.* Я, конечно, справокъ метрическихъ не наводилъ, но со всѣхъ сторонъ слышу объ этомъ. Если это правда, то какъ вамъ это тоже кажется? Я нахожу, что у насъ на это въ высшей степени важное обстоятельство слишкомъ мало обратили вниманія.

Впервые съ того великаго дня, когда Хлодовикъ крестился и положилъ начало христіанской государственности на Западѣ, *впервые съ тѣхъ поръ во главѣ во всемъ передовомъ европейскомъ государствѣ стоитъ не христіанинъ, человѣкъ не крещеный!*

Папа узникъ! Первый человѣкъ Франціи не крещенъ! — И мы, русскіе, молчимъ объ этомъ,—вѣроятно, изъ соображеній внѣшней политики... (*опять-таки въ сущности черезъ племенной вопросъ—черезъ славянскій*)!

Итакъ, черезъ *племенную національную политику*, благодаря торжеству Италіи и Германіи, благодаря внезапному и глубокому перевороту въ 400-лѣтнемъ распредѣленіи государственныхъ силъ на Западѣ, — повторяю еще разъ, папа лишенъ той вещественной силы, которою онъ пользовался въ теченіе 1000 лѣтъ; во Франціи сталъ возможенъ некрещеный предсѣдатель народовластія, попытки въ ней возврата къ *настоящей охранительной монархіи* оказываются ничтожными и почти смѣшными.

И всего этого мало. Исторія *новыхъ школъ* во Франціи вамъ извѣстна. Республика, безсильная противъ сосѣдей, благоразумно уступающая Германіи, *находитъ однако въ себѣ силу противъ своей народной церкви*. Она выбрасываетъ распятія изъ училищъ; она хочетъ учить дѣтей только *чистой гражданской этикѣ и законамъ природы, не подозрѣвая, что атеистическое государство такъ же противно законамъ соціальной природы, какъ жизнь позвоночнаго животнаго* безъ остова, безъ легкихъ или жабръ.—Мистицизмъ практичнѣе, „раціональнѣе“, такъ сказать, чѣмъ это мелкое утилитарное безбожіе!—Вотъ гдѣ кстати будетъ воскликнуть съ царемъ Давидомъ: „*Живый на небесахъ посмѣется имъ и Господь поругается имъ*“!

Республика Франціи въ домашнихъ дѣлахъ своихъ не боится ни Бога, ни папы, ни безбожія; она боится только *соціалистической анархіи*, которая дала уже себя знать въ 1871 году, и дастъ знать себя еще сильнѣе... Подождите!

И въ самомъ дѣлѣ, какая еще новая и крутая историческая ступень можетъ предстоять Франціи въ ея *внутренней жизни?*

Я думаю такъ: ничего рѣзкаго и важнаго, кромѣ новыхъ попытокъ имущественнаго, хозяйственнаго уравненія. Въ монархію французскую я не вѣрю серьезно. Можно вѣрить въ какое-

нибудь кратковременное усиленіе единоличной власти во Франціи—не болѣе. И при этомъ замѣчу (по аналогіи со всѣми предидущими и перечисленными мною событіями), если эта единоличная власть диктатора или монарха и утвердится на короткое время въ этой уже столь разслабленной равенствомъ странѣ, то историческое назначеніе ея будетъ главнымъ образомъ, разумѣется, въ томъ, чтобы *ускорить боевое столкновеніе съ Германіей и всѣ неисчислимыя соціальныя и внѣшнеполитическія послѣдствія его.*

И, конечно, все въ томъ же *ассимиляціонномъ направленіи*, отъ котораго не спасаютъ, въ XIX вѣкѣ, какъ мы видѣли, ни миръ, ни война, ни дружба, ни вражда, ни освобожденіе, ни завоеваніе странъ и націй... И не будутъ спасать, пока *не будетъ достигнута точка насыщенія равенствомъ и однородностью.*

Борьба съ Германіей въ близкомъ будущемъ неизбѣжна для Франціи, и въ громкую побѣду ея трудно вѣрить. Еслибы даже случилось именно то, о чемъ французы мечтаютъ,— еслибы имъ пришлось воевать въ союзѣ съ Россіей, то, мнѣ кажется, съ ними можетъ случиться то же, что съ итальянцами въ 1866 году. Сами они могутъ быть опять разбиты нѣмцами, но кое-что всё-таки выиграть, благодаря тому, *что нѣмцы, вѣроятно, будутъ побѣждены русскими.* И замѣтьте, я вѣрю въ нашу побѣду—не потому, что знаю хорошо нашу боевую подготовку, и не по разсчету на то, что совокупность напряженныхъ франко-русскихъ военныхъ силъ превзойдетъ численностью в енныя силы „средне-европейской лиги“, *а потому, что Россія въ этомъ случаѣ будетъ служить все тому же племенному началу, все той же національно-космополитической политикѣ, все тому же обманчивому Протею всеобщаго смѣшенія.* Война у насъ будетъ все-таки *черезъ славянъ, черезъ наши права на Болгарію и на Сербію.* Война будетъ съ Австріей, положимъ; но если Германія не догадается во-время покинуть свою союзницу, а въ самомъ дѣлѣ вступится за нее, *то она пострадаетъ жестоко, какъ пострадали всѣ тѣ, которые противились племенному потоку.* Но и поби-

тая Франція побита будетъ теперь всётаки не такъ легко, какъ въ 1870 году. Далеко опередившая Германію на пути гражданскаго уравненія, она только-что сравнялась съ нею въ военномъ отношеніи. Имперія Германская, правда, по гражданскому строю *пока* (до русскихъ надъ нею побѣдъ) *стала*, какъ я говорилъ, уже *болѣе похожа* на имперію Наполеоновъ, чѣмъ на самоё себя, на свое прошедшее; но за то республика Франціи *въ военномъ отношеніи стала теперь болѣе похожа на эту новую Германскую имперію*, чѣмъ была при своемъ императорѣ.

(Еще черта сходства и уравненія силъ!...)

Германія 80-хъ годовъ — это нѣчто вродѣ Франціи 50-хъ и 60-хъ годовъ. Франція 70-хъ и 80-хъ годовъ—*это Германія будущаго*,—Германія, безвозвратно побитая славянами, вотъ и все...

Что же можетъ случиться во Франціи послѣ этой борьбы? Допустимъ даже, что дѣло выйдетъ иначе. Допустимъ, что Франція будетъ побѣдительницей.

Развѣ это возможно безъ временной военной диктатуры?

Конечно, нѣтъ. Примѣръ тому 1871 годъ. Штатскій Гамбетта при всей силѣ своего характера оружіемъ побѣдить не могъ,— не было единства власти. Якобинская Франція теперь видимо колеблется между диктатурой и анархіей. Воспользуется ли диктаторъ анархіей для достиженія власти и потомъ побѣдитъ нѣмцевъ, или прежде побѣдитъ, а потомъ умиротворитъ внутреннія волненія, во всякомъ случаѣ можно пророчить, *что, и усмиряя, и побѣждая, онъ послужитъ хоть отчасти все тому же: то есть и внутреннему уравненію и внѣшнему сліянію,— заграничному международному сближенію гражданскихъ идеаловъ и соціальныхъ привычекъ.*

У себя, во Франціи, диктаторъ или даже король непремѣнно вынужденъ будетъ сдѣлать что-нибудь для рабочихъ и для партіи коммунистовъ. Въ побѣжденной же Германіи (кѣмъ бы то ни было, справа, или слѣва, или съ обѣихъ сторонъ) *непремѣнно подниметъ голову крайне либеральная партія*, общественное мнѣніе обрушится на Бисмарка, на „ми-

литаризмъ“ и повторится здѣсь исторія Бонапартовъ, съ тою, вѣроятно, разницей, что при старой династіи и при въѣвшейся уже въ кровь конституціи *и не мѣняя монарха. Германское государство станетъ только больше похоже на искренно* *) *конституціонное королевство Людовика-Филиппа или современной намъ Италіи Савойскаго дома, т.-е. сдѣлаетъ сильный шагъ къ мѣщанской республикѣ.*

Что касается до соціализма, такъ онъ, говорятъ, въ Германіи еще глубже, чѣмъ во Франціи.

Замѣтьте еще одно, опять-таки фатальное, стеченіе обстоятельствъ для этой передовой Франціи, *которая первая въ Европѣ ровно сто лѣтъ тому назадъ противопоставила церкви, королю и сословности идею уравненія и воплощенной въ „среднемъ сословіи“ націи.* У нея въ теченіе этихъ ста лѣтъ были три династіи. Гдѣ же теперь даровитые представители этихъ династій?

Кто слышалъ о талантахъ и величіи графа Парижскаго (представителя *либеральныхъ* Орлеановъ)? Честный Генрихъ V, послѣдній изъ настоящихъ Бурбоновъ, скончался *почему-то непремѣнно бездѣтнымъ!* (И физіологія даже помогаетъ революціи!)

Бѣднаго мальчика—Наполеона IV—убили дикіе. Это удивительно! Я не говорю: „зачѣмъ онъ поѣхалъ сражаться въ Африку?“ Это понятно, онъ хотѣлъ отличиться подвигами въ виду будущаго трона. Я спрашиваю себя о непонятномъ: *почему именно онъ, бѣдняжка, не попалъ скоро ногой въ стремя и далъ время дикому напасть и заколоть себя,*—вѣдь онъ, конечно, умѣлъ ѣздить верхомъ? Почему не случилось того же съ другимъ, съ какимъ-нибудь неизвѣстнымъ англичанином, а *непремѣнно съ нимъ?*

Кто же еще остался изъ претендентовъ у Франціи? Не старый ли герцогъ Монпансье, котораго мы видѣли въ Москвѣ на коронаціи? Или два Бонапарта:—старый-же принцъ На-

*) Чѣмъ искреннѣе дарована конституція; чѣмъ строже выполняются ея параграфы правительствомъ, *тѣмъ хуже* для будущаго страны. *Авт.*

полеонъ—*свободолюбецъ* не хуже Орлеановъ, и его несогласный съ нимъ и ничѣмъ не отличившійся сынъ, воображающій, кажется вдобавокъ, что въ 90-хъ годахъ этого вѣка можно идти по стопамъ Наполеона I;—всѣ они непопулярны, это разъ; а во-вторыхъ—всѣ они не представляютъ собою никакихъ *особыхъ* новыхъ началъ, которыхъ приложеніе не было бы уже и прежде испытано во Франціи. Разница между всѣми нынѣшними претендентами только въ имени, въ фамильномъ знамени прошедшаго, въ звукѣ пустаго преданія, *а не въ существенномъ,—не въ основныхъ соціальныхъ принципахъ.* Все то же: равенство правъ и т. д.; „Бѣлый колпакъ,—колпакъ бѣлый", какъ выражаются эти самые французы (Bonnet blanc,—blanc bonnet!").

Великій человѣкъ, истинно великій вождь, могучій диктаторъ или императоръ — во Франціи можетъ нынче явиться *только на почвѣ соціализма.* Для великаго избраннаго вождя нужна идея хоть сколько-нибудь новая, *въ теоріи уже назрѣлая, на дѣлѣ не практиковавшаяся, идея выгодная для многихъ,* идея грозная и увлекательная, *хотя бы и вовсе гибельная потомъ.*

На такой и не на иной почвѣ возможенъ во Франціи великій вождь, хотя бы и для кратковременнаго торжества. *Но чѣмъ все это отзовется? Какою цѣною купится?* И *къ чему дальнѣйшему привелъ бы подобный историческій шагъ?*

Не будемъ больше предсказывать;—не будемъ какъ потому, что въ общихъ чертахъ все это математически ясно, такъ и потому, что частности и подробности, всѣ изгибы и неожиданности этого пути, яснаго по главному направленію, предвидѣть никакъ нельзя. Я скажу здѣсь только объ одной еще возможности: о побѣдѣ Франціи надъ Италіей, все также прилагая *индуктивно къ будущему примѣры и поученія прошлаго.*

VIII.

Признаюсь, мнѣ почему-то, самъ незнаю, все кажется, что *на этотъ еще разъ* войны между Германіей и Россіей не будетъ, и что сила обстоятельствъ выпудитъ Германію пожертвовать Австріей. Мнѣ кажется, что, въ виду все *той же таинственной телеологіи*, довольно сильная Германія еще нужна. А если ея сила еще нужна (хотя бы для того, чтобы пассивно или полупассивно задерживать славянство на пути гибельнаго, *преждевременнаго* и *полнаго* объединенія), *то она не должна такъ рано слѣдовать убійственному примѣру Австріи, Франціи и Турціи, которыя противустали племенному началу открыто и вооруженною рукою* въ 1859, 66, 70 и 77-мъ годахъ). Умри завтра Бисмаркъ, я бы воскликнулъ: «погибла Германія!» Безъ Бисмарка она не найдетъ предлежащаго ей безвреднаго пути. Но пока Бисмаркъ живъ, инстинктъ его призванія, быть-можетъ подучитъ его не противиться слишкомъ явно и сильно славянскому племенному движенію; а задерживать его только понемногу.

Все это такъ; но предположимъ даже истинно всеобщую войну: Францію и Россію съ одной стороны, «лигу»—съ другой.

Въ такомъ случаѣ, я увѣренъ, случится вотъ что: австрійцы и германцы будутъ побѣждены русскими (съ помощью французовъ), французы же будутъ разбиты германцами, хотя и не такъ легко, какъ въ 1870 году, и этотъ лучшій противу прежняго отпоръ облегчитъ, конечно, русское дѣло.

Что касается до итальянцевъ, то они будутъ французами, я надѣюсь, побѣждены безъ особаго труда. Французскія войска въ такомъ случаѣ могутъ дойти и до Рима. Что же должно тогда произойти съ Италіей послѣ подобнаго разгрома, съ демократической, анти-папской, но пока еще *кое-какъ монархической* Италіей? Можно ли надѣяться хоть въ этомъ случаѣ на серьезную реакцію въ пользу церкви?

Нѣтъ, нельзя! Идея Папства слишкомъ возвышенна;—формы Католичества слишкомъ изящны и благородны для нашего времени, для вѣка фотографической и телеграфной пошлости.

Еслибы на престолѣ самой Франціи сидѣлъ Генрихъ V, или еслибы былъ живъ молодой Наполеонъ IV, то отъ нихъ, сообразно съ ихъ идеалами и преданіями, можно было бы ожидать хоть попытки возстановить свѣтскую власть папы, которая была столь полезна для его нравственнаго вѣса. Но этого нельзя ожидать ни отъ Сади-Карно, ни отъ Буланже, ни отъ принцевъ Орлеанскаго рода, ни отъ боковой линіи выродившихся Банапартовъ.

Какъ бы не пало скорѣе въ этомъ случаѣ Савойскій домъ. Какъ бы не водворилась и тамъ такая же якобинская, радикально-либеральная республика! А разъ будетъ и тамъ республика, *какъ бы не уѣхалъ вовсе изъ Рима самъ папа*, какъ бы не выжили его! А что это будетъ значить? Вѣдь это истинное начала конца, начало 5-го акта европейской трагедіи.

Папство связало принципы свои съ однимъ *городомъ;* съ перемѣной мѣста едва ли въ средѣ самаго западнаго духовенства устоитъ на долго и самый принципъ.

Вотъ куда привело Европу это псевдо-національное или племенное начало.

Оно привело шагъ за шагомъ къ низверженію всѣхъ тѣхъ устоевъ, на которыхъ утвердилась и процвѣла западная цивилизація *Итакъ, ясно, что политика племенная, обыкновенно называемая національною, есть ничто иное какъ слѣпое орудіе все той же всесвѣтной революціи, которой и мы, русскіе, къ несчастію, стали служить съ 1861 года.*

Въ частности поэтому и для насъ политика чисто-славянская (искреннимъ *Православіемъ мистицизмомъ* не исправленная, глубокимъ отвращеніемъ къ *правическимъ формамъ современной* Европы не ожесточенная)—есть политика революціонная, космополитическая. И если въ самомъ дѣлѣ у насъ есть въ исторіи какое-нибудь особое, истинно-національное, мало-мальски своеобразное, другими словами—*культурное, а не чисто-политическое призваніе, то мы впредь должны смотрѣть на панславизмъ какъ на дѣло весьма опасное, если не совсѣмъ губительное.*

Истинное (то-есть культурное, обособляющее насъ въ бытѣ,

духѣ, учрежденіяхъ) *славянофильство* — (или — точнѣе — *культурофильство*) — *должно отнынѣ стать жестокимъ противникомъ опрометчиваго, чисто-политическаго панславизма.*

Если славянофилы-*культуролюбцы* не желаютъ повторять *одну только ошибку* Хомякова и Данилевскаго, если они не хотятъ удовлетворяться одними только *эмансипаціонными* заблужденіями своихъ знаменитыхъ учителей, а *намѣрены служить ихъ главному, высшему идеалу, то-есть національнизму настоящему, оригинальному, обособляющему* и *утверждающему нашъ духъ и бытовыя формы наши,* то они должны впредь остерегаться слишкомъ быстраго разрѣшенія всеславянскаго вопроса.

Идея православно-культурнаго руссизма дѣйствительно оригинальна, высока, строга и государственна. Панславизмъ же *во что бы то ни стало* — это *подражаніе* и больше ничего. Это идеалъ современно европейскій, *унитарно-либеральный*, это—стремленіе *быть какъ всѣ*. Это все та же общеевропейская *революція*.

Нужно теперь не славяно*любіе*, не славяно*потворство*, не словяно*воліе*, — нужно славяно*мысліе*, славяно*творчество*, славяно*особіе*—вотъ что нужно теперь!.. Пора образумиться.

Русскимъ въ наше время надо, въ виду всего перечисленнаго мною прежде, стремиться со страстью къ *самобытности духовной, умственной и бытовой*... И тогда и остальные славяне пойдутъ со-временемъ по нашимъ стопамъ.

Эту мысль, простую и ясную до грубости, но почему-то у насъ столь немногимъ доступную, я бы желалъ подробнѣе развить въ особомъ рядѣ писемъ: объ опасностяхъ панславизма и о средствахъ предотвратить эти опасности.—Не знаю—успѣю-ли.

Я полагаю, что однимъ изъ главныхъ этихъ средствъ должно быть—*по возможности долгое, очень долгое сохраненіе Австріи, предварительно, конечно, жестоко проученной.*

Воевать съ Австріей *желательно; изгнать* ее изъ Босніи, Герцеговины и вообще изъ предѣловъ Балканскаго полуострова, *необходимо;*—но *разрушать* ее избави насъ Боже. Она до поры—до времени (*до Православно-культурнаго возрожденія* самой Россіи и Восточныхъ единовѣрцевъ ея)— драгоцѣнный

намъ карантинъ отъ Чеховъ и другихъ уже *слишкомъ* „европейскихъ“ Славянъ. Ясно-ли?

Довольно-бы... Все существенное сказано, но я хочу прибавить здѣсь еще нѣсколько словъ объ Испаніи и Румыніи, чтобы та картина всеобщаго демократическаго разложенія, которую я только-что представилъ вамъ въ предыдущихъ письмахъ, была полнѣе.

Въ 70-хъ годахъ въ Испаніи произошло *реакціонное* возстаніе басковъ въ *пользу Бурбона Донъ-Карлоса*. Баски бытомъ своимъ до сихъ поръ еще не совсѣмъ похожи на остальную Испанію. *Они консервативнѣе*, поэтому-то у нихъ и оказалась еще возможность, нашлось еще побужденіе возстать противу тогдашней Испанской республики.

Но и это реакціонное движеніе также не удалось, *какъ не удавалось за послѣднія 30 — 40 лѣтъ все церковное, все самодержавное, все аристократическое, все охраняющее прежнее своеобразіе и прежнюю богатую духомъ разновидность*. Испанская Вандея не удалась, какъ не удалось полякамъ ихъ *дворянское возстаніе*, какъ не удалась Наполеону III *защита папства*, какъ не удался во Франціи позднѣе государственный переворотъ въ *пользу легитимизма* и т. д.

Это о баскахъ и Донъ-Карлосѣ.

Теперь о Румыніи. Въ „доброе, старое время“, какъ говорится, эта Румынія была Молдо-Валахіей. „Молдо-Валахія“— по моему,—это даже звучитъ гораздо пріятнѣе, важнѣе, чѣмъ „Румынія“. Молдавія имѣла свои оттѣнки, Валахія — свои. Послѣ Крымской войны и молдаване съ валахами почувствовали потребность послужить племенной политикѣ. Оба княжества избрали себѣ впервые одного господаря Кузу, изъ *средняго круга* (помнится, просто полицеймейстера города Галаца).

Куза *тотчасъ же демократизовалъ* эту все-Румынію; онъ освободилъ крестьянъ отъ давней крѣпостной зависимости и сокрушилъ этимъ прежнюю силу молдо-валашскаго боярства. Конституція, общая двумъ княжествамъ, начала функціонировать, какъ вездѣ, довольно правильно по формѣ и, конечно, либерально *(разрушительно)* по духу.

И что же? Почти немедленно это либеральное, *національ-*

ное правительство стало закрывать монастыри, разогнало монаховъ и отобрало издревле пожертвованныя этимъ обителямъ земли. Тяжесть этой мѣры падала преимущественно на греческіе патріархаты и св. мѣста, которымъ были подвѣдомственны („преклонены“) эти обители и земли. (Кстати замѣчу,— русское правительство *хотя и неудачно*, но поддерживало въ этомъ случаѣ патріархаты, *ибо славянское племя не было тутъ замѣшано въ дѣло, какъ въ позднѣйшемъ движеніи болгаръ.* Въ болгарскомъ дѣлѣ мы были *либералами*, мы поддерживали болгаръ *противъ патріарха* и успѣхъ нашихъ славянскихъ питомцевъ превзошелъ даже далеко наши желанія. Въ румынскомъ дѣлѣ „преклоненныхъ“ монастырей мы были *охранителями и ничего въ пользу церкви* не могли сдѣлать).

Сверхъ того, въ Румыніи, вскорѣ послѣ національнаго объединенія, случилось въ миніатюрѣ почти то же, что и въ Испаніи въ 70-хъ годахъ. Вспыхнуло небольшое *охранительное* возстаніе. Къ Румыніи, по парижскому трактату, отошла отъ Россіи часть старыхъ бессарабскихъ болгарскихъ колоній. У нихъ были свои особые мѣстные уставы и привилегіи, дарованныя имъ Россіею. Они желали сохранить эти свои особенности и—возстали. Демократическое конституціонное правительство новой національной Румыніи усмирило ихъ оружіемъ и *заставило ихъ стать какъ всѣ, уравняло, смѣшало ихъ съ остальнымъ своимъ населеніемъ.*

Видите, и здѣсь даже, въ небольшомъ размѣрѣ, отражается это зарево всемірнаго демократическаго и безбожнаго пожара, котораго неосторожными поджигателями являются не всегда только либералы и анархисты, а по роковому стеченію обстоятельствъ нерѣдко и могущественные монархи, подобные Наполеону III и Вильгельму I германскому!

Неужели правъ былъ Прудонъ, восклицая: „Революція XIX вѣка не родилась изъ нѣдръ той или другой политической секты, она не есть развитіе какого-нибудь одного отвлеченнаго принципа, не есть торжество интересовъ одной какой-нибудь корпораціи или какого-нибудь класса. *Революція—это есть неизбѣжный синтезъ всѣхъ предыдущихъ движеній въ*

религіи, философіи, политикѣ, соціальной экономіи и т. д., и т. д. *Она существуетъ сама собою,* подобно тѣмъ элементамъ, которые въ ней сочетались. Она, по правдѣ сказать, приходитъ *не сверху* (т.-е. не отъ разныхъ правительствъ), *не снизу* (т.-е. и не отъ народа) *). Она есть результатъ *истощенія принциповъ,* результатъ *противоположныхъ идей,* столкновенія интересовъ и *противорѣчій политики,* антагонизма предразсудковъ,—однимъ словомъ, всего того, что наиболѣе заслуживаетъ названія нравственнаго и умственнаго хаоса"!

„*Сами крайніе революціонеры* (говоритъ Прудонъ въ другомъ мѣстѣ) *испуганы будущимъ и готовы отречься отъ революціи;* но отринутая всѣми и сирота отъ рожденія, революція можетъ приложить къ себѣ слова псалмопѣвца: „Мой отецъ и моя мать меня покинули, но Господь воспріялъ меня!" **).

Неужели же правъ Прудонъ не для одной только Европы, но и *для всего человѣчества?* Неужели таково въ самомъ дѣлѣ *попущеніе* Божіе и для нашей дорогой Россіи?!

Неужели, немного позднѣе другихъ, и мы съ отчаяніемъ *почувствуемъ,* что мчимся *безповоротно* потому же проклятому пути!?...

Неужели еще очень далека та *точка историческаго насыщенія равенствомъ и свободой,* о которой я упоминалъ и послѣ которой въ обществахъ, имѣющихъ еще развиваться и жить, долженъ начаться постепенный поворотъ къ новому *разслоенію* и органической разновидности?...

Если такъ, то все погибло!

Неужели-жъ нѣтъ надеждъ?

Нѣтъ, пока есть еще надежда—надежда *именно на Россію,* на ея *современную реакцію, имѣющую возможность совпасть съ благопріятнымъ для религіи и культуры разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса.*

Есть признаки не по ослѣпленію пристрастія, но „раціонально" ободрительные!

Но они есть только у насъ однихъ, а на Западѣ ихъ нѣтъ вовсе!

*) Вѣрнѣе бы сказать: *и сверху, и снизу. Авт.*

**) Псал. 26-й.

Библіотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)